E18 741

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГА

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

МЕТОДИКА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ДЕТСТВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Серия «БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГА»

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

Иоф В. С., проф. — Хрестоматия по педагогике. XVI – XVIII вв. С предисловием П. Блонского. Стр. 288. Ц. 1 р. 50 к.

Пинкевич А. Н. — Марксистская педагогическая хрестоматия. XIX — XX вв. Часть I. Стр. 488. Ц. 3 р. Часть II. (Печат.)

ШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

1. Административно-организационные вопросы

Кузнецов Н., Г. Михайлов и П. Жулев (сост.). — Сельская школа как она есть. Сборник материалов по данным ЛГОНО. Стр. 72. Ц. 70 к.

Макушин А. И. — Беседы по гигиене. Изд. 11-е. Предисл. д-ра Ал. Сысина. (85 рис. в тексте.) Стр. 320. Ц. 2 р.

Педагогическое образование. Из опыта работы педагогической школы. Сборник под редакцией Г. И. Левина и Р. Г. Лемберг. Стр. 167. Ц. 1 р. 25 к.

Соломин Е. — Организация физического труда в школе. Практическое пособие для учащих трудовой школы. С рисунками. Стр. 295. Ц. 1 р. 20 к.

Учебное оборудование трудовой школы. Школа I ступени. Сборник Н.-М. Совета ЛГОНО. Стр. 92. Ц. 1 р.

Учет педагогической работы как метод научной организации ее. Сборник статей: В. Мичурина, К. Никонова, Ю. Преображенского, В. Сорокина-Росинского и И. Челюсткина. Изд. 2-е. Стр. 80. Ц. 60 к.

Учительство на новых путях. Сборник статей, докладов и материалов всесоюзного съезда учителей. Стр. 368. Ц. 1 р. 40 к.

2. Основы школьного дела

Бернштейн М. и Н. Бухгольц. — Домашний труд детей и школа. С предисловием Н. К. Крупской. Стр. 88. Ц. 85 к.

Бюджет времени нашего молодняка. Сборник статей. Под редакцией М. С. Бернштейна и Н. А. Рыбникова. (Научно-педагогический институт методов школьной работы.) Стр. 136. Ц. 1 р. 45 к.

Бюджет времени школьника. Сборник статей под редакцией М. С. Бернштейна и Н. А. Рыбникова. С предисловием В. Н. Шульгина. Стр. 116. Ц. 1 р. 35 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

E18 741

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГА

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

МЕТОДИКА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ДЕТСТВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Государственное
издательство
Типография
имени
Н. Бухарина
Ленинград
ул. Моисеенко, 10

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 16275 1968

У 42 Гиз № 23976/Л
Ленинградский Областлит № 54504.
6 л. Тираж 3000.

I.

ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ.

Значительное развитие наших знаний о ребенке, достигнутое в первую четверть текущего века, показало всю сложность стоящей перед обществом проблемы установления правильного взаимодействия между основными нуждами ребенка и окружающей его средой, взаимодействия, при котором только и возможно рассчитывать на здоровое физическое и социальное развитие детства. Условия, в которых растет и развивается ребенок, содержат в себе как положительные моменты, благоприятствующие укреплению в нем ценных прирожденных задатков и свойств, так и моменты отрицательные, тормозящие и разрушающие эти задатки и заменяющие их наклонностями и свойствами, создающими угрозу для него самого и для окружающих.

Поскольку мы имеем дело с взрослыми людьми, с определившимся укладом жизненных воззрений, привычек, свойств характера, с людьми, обладающими определенной самостоятельностью в своих отношениях к окружающим, наша задача социальной помощи является более скромной. Мы стремимся достичь лишь таких условий общественного существования их, при которых их жизнь протекала бы с наименьшими лишениями для них самих и с известной пользой для общества. Эту задачу можно назвать социальным приспособлением индивида. Социальное приспособление есть деятель-

ность, направленная на установление такого взаимодействия между индивидом и окружающей его социальной средою, при котором, при сохранении известного уровня благополучия самого индивида, позволяющего ему удовлетворять основные жизненные потребности, поведение его в отношении к окружающим или обществу не являлось бы фактором, угрожающим социальному самосохранению. Мы стремимся здесь искоренить такие общественно-патологические явления, как преступность, проституцию, нищенство и паразитизм, алкоголизм и социальные болезни.

Значительно шире наши задачи по отношению к ребенку. Здесь перед нами стоит не только задача социального приспособления ребенка к данному, уже сложившемуся строю жизненных отношений, но и задача социального воспитания, т. е. выработки в нем таких задатков, стремлений, привычек и черт характера, которые помогли бы ему в будущем создать и использовать более совершенные формы человеческого общения и стать самому ценным участником общественной жизни. Наша задача не только в том, чтобы обеспечить ребенку определенный минимум жизненного благополучия в данный момент; мы стремимся к обеспечению ему здорового и общественно-ценного существования и в последующие, зрелые годы, поскольку это будет зависеть от заложенных в нем самом свойств. Задача социального воспитания не исключает, конечно, задачи и социального приспособления ребенка, но она поглощает ее и несколько изменяет ее содержание. Если в отношении взрослых главным моментом, определяющим социальное приспособление, является стремление ослабить социальную опасность для общества, вытекающую из их неприспособленности или асоциальности человека, то по отношению к детям на первый план выдвигается опасность для их личности, для их будущего общественного развития, социальная же опасность данного момента отодвигается на второй план. Социальное воспитание,

в конечном счете, сводится к определенной системе взаимодействия между ребенком и окружающей его средой.

Процесс общественного взаимодействия предполагает на стороне участников его наличие таких настроений, привычек и свойств, которые позволяли бы достигать путем этого процесса ряда коллективно-ценных задач: производства нужных материальных благ, сознания взаимной безопасности, рождения и воспитания будущих поколений, расширения возможностей дальнейшего развития коллектива и пр. Взрослый, нормально воспитанный и развитой участник общения является одновременно и продуктом существующих общественных отношений и активным носителем и преобразователем их. Если под социальной средою понимать все те проявления, которые исходят от окружающих индивида других лиц, в какой бы форме они ни воплотились, то и данный индивид, одновременно с другими, является одним из элементов социальной среды по отношению к тем, с которыми он находится в общении. При этом, конечно, степень его влияния на других является различной; она зависит от той социальной значимости, которая за ним признается.

Свойства и качества, необходимые для нормального участника общения, обеспечивающие за ним известную значимость в обществе и тем самым дающие ему возможность нормального приспособления к обществу, создаются в каждом человеке медленным процессом общественного воспитания. Начиная с появления своего на свет и в течение почти всей своей жизни человек вырабатывает в себе определенные социальные реакции, отлагающиеся в его психике как фонд его идей, привычек, устремлений, симпатий и пр., образующий его социальную личность. Процесс накопления этого фонда является особенно энергичным в детские и юные годы, вследствие большей пластичности человеческого организма в этот период созревания. К зрелым годам формирование социальной личности если не заканчивается, то сильно замедляется,

и коренные изменения ее уже соединяются с необходимостью ломки раньше накопленного фонда.

Общественное созревание человека определяется двумя группами сил: постепенным развертыванием и укреплением заложенных в нём задатков и способностей (прирожденным фондом) и теми воздействиями, которые он испытывает от окружающего.

Соответственно с этим следует различать два абстрактно разделяемых типа поведения: 1) поведение, определяемое инстинктивными стимулами, чаще всего наследуемыми от предков, и 2) поведение, определяемое социальными мотивами, т. е. побуждениями, возникающими под влиянием воспринятых в процессе общения представлений о возможных социальных последствиях наших поступков. Первый вид можно назвать инстинктивно-детерминированным поведением, второй — социально-детерминированным. Несомненно, что социально-детерминированное поведение представляет собою лишь переработку, приспособление к интересам общества инстинктивно-детерминированного поведения. Влияние социальной среды может оттеснять, подавлять инстиктивно-детерминируемое поведение, но не может искоренить его целиком. Вопрос о сравнительном значении индивидуальных задатков (прирожденного фонда личности) и общественного воспитания или влияния социальной среды сводится таким образом к выявлению относительной роли инстинктивных и социальных детерминаторов нашего поведения. Понятие инстинктивных детерминаторов можно заменить более широким понятием индивидуальных детерминаторов, понимая под последними уже не только прирожденные тенденции, но все тенденции, обусловленные биологическим развитием личности вообще. При таком понимании, всякого рода органические изменения, вызванные ростом, перенесенными болезнями, характером пищи, наркотизацией, травмами и пр., должны будут быть

относимы к явлениям индивидуального порядка, а поведение, вызванное ими, должно быть признано индивидуально-детерминированным.

Для характеристики человека как личности, как участника общения (socius'a), необходимо выявить в его поведении роль индивидуальных и социальных детерминаторов. Для того чтобы генетически объяснить группу индивидуальных детерминаторов поведения, мы должны изучить биологические особенности личности и те события и переживания, которые могли воздействовать на органические состояния человека. Чтобы понять и генетически объяснить группу социальных детерминаторов, мы должны изучить особенности той социальной среды, которая воздействовала на личность человека в продолжение всего его развития, учитывая вместе с тем ее вероятное преломление под углом индивидуальных особенностей данной личности.

Педагогика, действующая путем нарочитого примера или индивидуального воздействия, является лишь восполнением того влияния, которое оказывается с самых первых дней существования индивида окружающей его средою. Эта среда состоит не только из окружающих индивида предметов (окружающая обстановка) и природных условий (температура, свет, воздух), но и из других индивидов, на исходящие воздействия которых живое существо реагирует с особенной чуткостью. Эта последняя, социальная среда, имеет особенное значение в процессе социального воспитания индивида. Она выполняет двоякую функцию: с одной стороны, она упражняет и развивает те задатки к более развитым социальным реакциям, которые постепенно развертываются в области инстинктивно-эмоциональных переживаний ребенка (формирующее влияние социальной среды); с другой стороны, она оберегает ребенка от различных опасностей, обеспечивает ему необходимые материальные и иные условия, способствующие его росту и раз-

витию (охраняющее влияние социальной среды). Социальная среда, окружающая ребенка, так же реагирует на его пребывание в ней, как и ребенок на ее присутствие. Этот процесс взаимного приспособления, взаимной аккомодации играет громадную роль во всем социальном воспитании ребенка, и хотя бы общее знакомство с ним является необходимым для правильной постановки социального обследования детства.

Развитие социальных реакций ребенка идет параллельно с развитием его биологических функций. В процессе своего приспособления к окружающей обстановке ребенок научается сначала реагировать на ближайшие и весьма немногочисленные предметы, он координирует свои движения лишь на протяжении возможного захвата; затем постепенно развивается координация на зрительные и, далее, слуховые раздражители, при чем радиус охвата их медленно удлиняется. Пределы окружающего мира в сознании ребенка раздвигаются подобно концентрическим кругам. Передвижение к более широкому кругу происходит лишь после того как установилась надлежащая аккомодация в кругу более тесном. Интерес и любознательность, питаемые живостью воображения и исканием новых впечатлений, являются здесь движущей силой.

Приспособление к социальной среде также происходит путем преодоления концентрических кругов. Младенец в первые месяцы реагирует лишь на приближение и присутствие матери или мамки, по отношению к которой у него устанавливается прочная аккомодация. Затем в круг приспособления вовлекается небольшое число членов семьи и домашних, при чем здесь впервые происходит первая дифференцировка реакций. До 2—3 лет вся окружающая ребенка социальная среда ограничивается несложным кругом членов семьи и ее друзей; попытки общения со стороны посторонних неизменно встречают резкий протест или полную зам-

кнутость со стороны ребенка. Он боязливо испытывает нового пришельца, и только некоторая хитрость со стороны последнего может облегчить путь к сближению. Всякого рода новые и незнакомые черты (очки, борода, если они отсутствуют у домашних), незнакомый тембр речи, походка, манеры способны нарушить душевное спокойствие малого ребенка, так как они вносят неустойчивость в его еще слабо аккомодированные приспособления к окружающим. Со второго-третьего года ребенок начинает вырабатывать своеобразную систему реакций по отношению к своим сверстникам, товарищам по забавам и играм. Социальная аккомодация здесь происходит совершенно иначе, чем по отношению к взрослым. В группе своих сверстников ребенок впервые начинает проявлять стремление к самовыявлению, к упражнению своих природных способностей на материале, собранном путем наблюдения окружающих, преимущественно домашних; его подавленная активность освобождается и прихотливо перерабатывает воспринятое; фантазия дает возможность легких и быстрых перевоплощений и модификации образов, подвижность обеспечивает легкость их реализации, неустойчивость внимания — частый переход от одних упражнений к другим. Общение со сверстниками при помощи игры проникнуто большой эмоциональностью; игра способствует окрашиванию в различные эмоциональные тона пассивно воспринятых представлений, суждений, примеров. Жизненное значение игры для ребенка лежит не столько в упражнении способностей, нужных для последующей жизни (по крайней мере, игры в период первого детства), сколько в эмоциональном усваивании и в эмоциональной расцветке воспринятых социальных переживаний. Примитивная, слепая эмоциональность постепенно заменяется социально-дифференцированной эмоциональностью, при которой каждый образ, каждый пример окрашивается определенным эмоциональным цветом. Приспособление к социаль-

ной среде в этот период имеет почти исключительно инстинктивно-эмоциональный характер; рационализация приспособления наступает значительно позже. Одним из главнейших толчков к рационализации является выход ребенка из тесного круга его домашней обстановки в более широкую среду, в форме ли посещения других семей, участия в более многолюдных праздниках, пребывания в саду, на дворе, на улице. Постоянное накопление наблюдений, сделанных вне дома, и критическое сопоставление их с домашними наблюдениями способствует накоплению опыта и выработке различных оценок. Происходит противопоставление домашнего круга, уже хорошо усвоенного и эмоционально-приспособленного, другому, более широкому кругу, лежащему за пределами семьи, охватывающему группы знакомых, встречных людей и товарищей. Интерес к усвоению этого более широкого круга выражается в постоянных расспросах у домашних о жизни и привычках этих людей, в стремлении подражать им (у мальчиков стремление быть солдатом, пожарным, сторожем, кучером и пр., у девочек — стремление быть мамою, нянею, торговкой, кондукторшей и пр.). Этот второй социальный круг, усваиваемый ребенком, по отношению к которому он вырабатывает особую социальную аккомодацию, можно назвать соседским кругом в широком смысле. Соседский круг охватывает всех тех людей, с которыми приходится ребенку сталкиваться в пределах той местности, где он живет и бывает. Сближение с этим соседским кругом бывает бо́льшим или меньшим, в зависимости от того, насколько длительно и свободно пребывание ребенка в нем. Дети, постоянно находящиеся под наблюдением домашних, входят в сравнительно недолгое и поверхностное соприкосновение с широким соседским кругом. Дети безнадзорные, предоставленные на время работы или отлучки родителей самим себе, обычно компенсируют свое домашнее одиночество более тесным сближением с соседским кругом. Струк-

тура этого соседского круга и его отношение к ребенку бывают весьма различны; разнообразными являются и социальные приспособления, вырабатывающиеся в ребенке по отношению к отдельным элементам этого круга. По своему значению для социального воспитания он занимает второе место, после круга домашнего.

К 6—7-летнему возрасту нормальным дальнейшим этапом в социальном воспитании является включение ребенка в школьный коллектив. Пребывание в школе, охватывающее значительную часть времени и активности ребенка, непосредственно сталкивает его с кругом педагогов и школьных товарищей. Более близкое знакомство с педагогами позволяет ему расширить свой жизненный опыт относительно взрослых людей. На ряду с домашними авторитетами возникают педагогические авторитеты, устанавливающие особые шаблоны поведения; для ребенка возникают новый круг обязанностей, новые симпатии и антипатии. Общение с товарищами дает ему впервые возможность установления чувств солидарности в общей работе, сознания общности интересов коллектива, установления длительной привязанности вне домашнего круга. Но значение пребывания в школе не ограничивается только непосредственным общением с педагогами и школьными товарищами. При помощи школы ребенок начинает усваивать те знания, которые вводят его в круг более широких социальных влияний. Знакомство с книгою, беседы учителя, рассказы товарищей дают в его распоряжение громадный запас социальных знаний об окружающем; он познает окружающий мир, установившиеся социальные отношения не в форме случайных обрывков, а в последовательно развиваемом изложении, сопровождаемом объяснениями, доступными его пониманию. Школа приучает его к рационализации социальных реакций, к осмысливанию социальной среды. Развивая ум ребенка, хорошо поставленная школа не должна игнорировать и его

эмоциональной жизни. „Сухость“ школьного обучения, апеллирующего к одному только разуму или памяти ребенка, игнорирует тот факт, что прочное социальное приспособление у ребенка достигается лишь инстинктивно-эмоциональным путем. Вся полоса школьной жизни, простирающейся до 13—14 лет, а зачастую и в течение всего периода юности, есть полоса наиболее организованного социального воспитания, подводящего человека к успешному социальному приспособлению.

Уже во время пребывания в школе, обычно к 12—13 годам, ребенок начинает проявлять особую наклонность к образованию самостоятельных небольших коллективов, противопоставляемых коллективам взрослых. Работа в товарищеских кружках, группках, сборищах (шайках) даст ему возможность упражнения в области социальной организации. Небольшой товарищеский коллектив, независимый от школы или прикрепления к школе, является маленькой опытной социальной станцией для ребенка, приближающегося к поре юности. И здесь, как и в игровых коллективах маленьких детей, находит свой разряд эмоциональная энергия, но формы общения и совместной забавы и деятельности здесь более рационализированы и стремятся вылиться в какое-либо общее предприятие. Распределение ролей между участниками, определенная внутренняя дисциплина, особая товарищеская этика, солидарность и относительная устойчивость товарищеского коллектива являются его характерными чертами. В более тесном товарищеском кругу происходит первая социальная спайка, основанная на рациональном выборе, и чем сильнее школьное воспитание проникнуто идеей коллективизма, тем многообразнее и шире такие товарищеские круги. В этом возрасте в малолетнем проявляется более заметное стремление к социальному самоутверждению, к проявлению влияния своей личности. Появление таких переживаний является как бы эмоциональной под-

готовкой к вхождению в социальный коллектив. Отношение к коллективам взрослых нередко принимает форму „юношеского протеста“ против господствующего там социального уклада; появляется конспирация от взрослых, отрицание руководства с их стороны, а, при значительном расхождении социальных настроений молодежи и взрослой части населения, даже скрытая или явная вражда к ним.

Вхождение в коллективы взрослых, приобщение к нормальной социальной среде взрослых обычно происходит с началом трудовой деятельности подростка. У крестьянских детей этот период наступает сравнительно рано, обычно еще до окончания школьного обучения. В городской рабочей среде мы наблюдаем это включение в трудовой коллектив с участием взрослых в возрасте 14 — 16 лет. В интеллигентских и буржуазных классах этот возраст отодвигается еще дальше. Совместное участие в трудовой деятельности со взрослыми накладывают свою резкую печать на социальный облик подростка. Он быстро усваивает привычки и манеры своих взрослых товарищей по работе, проникается их мировоззрением, солидаризируется с их интересами и настроениями. Профессионально-трудовой коллектив при нормальных условиях очень быстро ассимилирует достигшего соответствующего социального развития подростка, и этим заканчивается первый период социального воспитания, предшествующий вхождению в социальный коллектив. Напротив того, если полученное подростком социальное воспитание является недостаточным или резко несоответствующим уровню того трудового коллектива, в который он вступил, то процесс ассимиляции является крайне затрудненным, и часто, после тщетных попыток приспособления к данному коллективу, подросток не удерживается в нем и выступает или выбрасывается из него.

Нормальный путь социального воспитания ребенка идет, таким образом, через следующие социальные круги: 1) се-

мейно-домашний круг, 2) игровой детский круг, 3) соседский круг, 4) школьный круг, 5) товарищеско-групповой круг и 6) совместно-трудовой круг. Чередование этих кругов можно изобразить в виде ряда концентрических кругов, при чем переход к следующему, более широкому, кругу обычно не сопряжен с распадением предшествующего круга.[1] Школьник остается членом домашнего круга, он может сохранить и группу товарищей по играм, не являющихся его товарищами по школе; соседский круг охватывает его в течение всей его жизни. Вступление в трудовой круг далеко не всегда влечет за собою разрыв с домашним и школьным кругами. Таким образом к периоду юности подросток является уже участником нескольких кругов общения, влияние которых наслаивается одно на другое.

Значение социальных кругов, окружающих ребенка на пути его социального воспитания, выражается не только в том, что они дают ему возможность усваивать соответствующие шаблоны социального поведения и что они производят соответствующую шлифовку его идей, привычек, характера, другими словами, воспитывают его в условиях определенной социальной среды. Все эти круги, поскольку они хорошо организованы, выполняют по отношению к малолетнему защитную функцию, являются защитными кругами. Здоровая в социальном отношении семья оберегает физическое здоровье ребенка, доставляет необходимые ему пищу, одежду, жилище, уют и заботу о его физических нуждах; она охраняет его от различных опасностей и осторожно культивирует развитие его эмоциональных реакций. Первая и наиболее важная для дальнейшего развития прививка симпатических переживаний, любовных реакций происходит в семье. Семья бережет силы ребенка и обеспечивает необходимый ему длительный отдых. Инстинкт защиты дете-

[1] См. Приложение.

ныша есть прямое продолжение родительского и родового инстинкта. Лишенная этого инстинкта семья является социально выродившейся семьей или семьей только по названию.

Игровой детский круг имеет также свою защитную функцию. Свободное, ненапряженное проявление эмоций, которое мы наблюдаем в игре и которое биологически ценно, так как дает возможность их упражнения и развертывания, покоится на сознании известной безопасности. Такое сознание безопасности, такую возможность всецело отдаться своим эмоциональным переживаниям ребенок ощущает лишь в кругу своих маленьких сверстников, которых он не боится и общение с которыми лишено всякой напряженности. Защитная функция детского игрового круга заключается в том, что он обеспечивает ребенку свободное развертывание его сил, доставляет легкий материал для его эмоционального приспособления к окружающему и охраняет пробуждающиеся ростки его эмоциональной жизни.

Защитное значение хорошо организованного соседского круга выражается как в оказании поддержки ребенку при недостаточности семьи, так и в выработке надлежащей культуры детства. Внимание к интересам ребенка и к его нуждам накладывает печать на самые разнообразные стороны быта местности. Проведение определенных правил гигиены и безопасности при постройке зданий должно учитывать нужды ребенка; устройство общественных садов и парков, детских площадок для игр, различных типов детских учреждений, проведение в жизнь различных административных правил по охране безопасности, здоровья, порядка и пр. ориентируется на потребности детей. При надлежаще развитой общественной культуре детства каждый взрослый, сталкивающийся с ребенком, находящимся в опасных для него условиях, сознает обязанность принятия мер к охране ребенка и устранению источника этой опасности. Обще-

ственная забота о ребенке, проявляющаяся тысячью различных способов, вот та защитная функция, которая характерна для соседского круга, понимаемого в широком смысле.

О защитной роли школьной системы едва ли нужно говорить подробно. Школа дает здоровую пищу пробуждающимся умственным запросам ребенка, помогает ему осмыслить окружающую среду и овладеть орудиями, необходимыми для успешного социального приспособления; она с максимальной целесообразностью использует его развивающиеся силы и помогает ему выработать сознательный контроль над своим поведением. По отношению к нуждающейся части детей школа выполняет частично и функции семейно-домашнего круга, обслуживая материальные нужды ребенка и осуществляя надзор за ребенком.

Товарищеский круг, как было уже указано, обеспечивает подростку возможность своего социального самоутверждения, служит опытной станцией социальной организации и деятельности. Он укрепляет в нем сознание солидарности, вырабатывает товарищескую этику, дисциплину и тем самым формирует социальную личность малолетнего. Если в игровом детском кругу мы видим средство обеспечения эмоционального приспособления к социальной среде, то в товарищеском кругу таится мощное средство рационализированного приспособления к ней.

Наконец, значение трудового коллектива сводится к приспособлению подростка к трудовой деятельности и к ограждению его сил от чрезмерной эксплуатации. Пребывание в таком коллективе дает социально-полезное устремление силам несовершеннолетнего и подготовляет его к экономической самостоятельности.

Все рассмотренные нами социальные круги, в которых воспитывается ребенок до вступления в социальный коллектив на правах самостоятельного зрелого участника, выпол-

няют защитную функцию еще и в том смысле, что ограждают его еще неустановившиеся социальные реакции от чрезмерного распыления и извращений. Выправление и углубление этих реакций в пределах небольшого замкнутого круга является значительно более легким и достижимым. Каждый из этих кругов замыкает жизнь ребенка в определенных границах до тех пор, пока в ребенке не проявятся настроения, постепенно раздвигающие этот круг и толкающие его к более широким формам социального общения.

Социальное воспитание и развитие ребенка, однако, далеко не всегда идут по нормальному пути. Мы наблюдаем зачастую разнообразные отклонения и извращения, которые не могут не оказывать серьезнейшего влияния и которые с трудом компенсируются или выправляются в последующее время.

Прежде всего наблюдается выпадение в жизни ребенка отдельных защитных кругов, вследствие чего происходит недоразвитие определенных, важных для социальной жизни, реакций или гипертрофическое развитие реакций социально-нежелательного свойства, деформирующих нормальную социальную психику. Лишенная необходимого руководства и оформления жизненная энергия переключается в другие социально-нежелательные русла или же недоразвивается вовсе. Выпадение семейно-домашнего круга (сиротство, распад семьи, передача в чужие руки), сопряженное с частой переменой домашней обстановки в раннем детстве или скитальчеством, отсутствием прочных привязанностей и постоянной тревогой, не только создает материальную обездоленность в детстве, но и в дальнейшие годы дает себя знать в виде ряда настроений, мешающих прочному социальному приспособлению к определенной среде. Отсутствие радостного детства, игр в товарищеском кругу сказывается в дальнейшей замкнутости, бледности эмоциональных переживаний, подавленности, стремлении к изолированности. Беспризор-

ность есть сложный продукт распадения дома, раннего приспособления к дурному соседскому кругу, непосещения школы и нахождения в запущенном товарищеском кругу. Раннее вовлечение в круг трудовой деятельности, без достаточно длительного пребывания в школьном кругу, не только сужает круг социальных интересов человека, но и вносит известную загрубелость, ожесточение в социальные отношения. Отсутствие товарищеско-группового круга вырабатывает инертно-пассивного члена общества, неспособного к переустройству неудачно сложившихся для него жизненных отношений. Не усвоив принципов товарищеской солидарности, дисциплины и этики, подросток оказывается плохо приспособленным и к коллективно-трудовой деятельности. Длительное невключение подростка в совместно-трудовой круг влечет за собою переключение энергии в сторону социально-нежелательной деятельности или приводит к распаду необходимых жизненных навыков.

Кроме выпадения отдельных социальных кругов мы наблюдаем также их вырождение и извращение. Окружающий ребенка социальный круг не только перестает выполнять защитную функцию по отношению к ребенку, но становится источником вредных влияний на него. Плохая, разлагающаяся семья может оказаться более вредной, чем полное отсутствие семьи в детстве. Улица, полная опасностей и соблазнов для ребенка, равнодушие к ребенку, наблюдаемое в большом городе, безнаказанность эксплуатации детей окружающими, открытое пьянство и разврат являются симптомами распада здорового соседского круга, и пребывание ребенка в этих условиях может причинить ему трудно поправимый вред. Дурные товарищи — весьма частый спутник дурного соседства и плохого дома. Неудовлетворительно поставленная школа не выполняет ни одной из своих воспитательных задач и нередко вызывает стремление уклониться от посещения ее и ранний уход или исключение из школы.

Ранний и чрезмерный труд, выполняемый в нездоровой обстановке или в условиях, угрожающих нравственности малолетнего, вместо укрепления сил малолетнего, приводит к преждевременному истощению и разрушению их. Для того чтобы правильно выполнять свою воспитательно-защитную функцию, каждый социальный круг должен соответствовать определенным стандартам благополучия ребенка; игнорирование их, грубое нарушение интересов ребенка извращает значение этого круга в процессе социального воспитания ребенка. Если оздоровление такого круга оказывается невозможным, то желательным исходом часто является удаление из него ребенка.

Зачастую социальные отклонения вызываются также индивидуальными аномалиями самих детей. Умственная недостаточность ставит определенный предел социальному развитию, и осмысливание социальных отношений заменяется в большей мере привитием простых навыков и привычек. Нервность и психопатические наклонности резко меняют установку ребенка на обычные для его возраста условия социальной среды. Физическая слабость, болезненность не позволяют ему справляться с задачами, обычно легко преодолимыми для нормальных детей. Правильная постановка социального воспитания таких детей требует выработки особых приспособлений и методов в каждом из социальных кругов, в которых дети находятся. Неспособность или недостаточность выработки этих приспособлений в условиях нормальной социальной жизни влечет за собою помещение этих детей в специальные учреждения, интернирование их. По отношению к нормальным детям интернирование вообще является нежелательной мерой, так как оно искусственно сужает круг воспитывающих ребенка социальных влияний и создает в нем установку на определенный режим учреждения, не совпадающий с теми требованиями, которые ожидают его в будущей, самостоятельной жизни.

Социальное воспитание, проводимое в учреждении, дает слабую жизненную закалку, и подросток легко становится жертвой плохих социальных влияний при выходе в самостоятельную жизнь.

Наконец, большое значение для определения хода развития социальных реакций имеют резкие, внезапные изменения окружающей социальной среды, порождающие иногда психопатические состояния длительного характера. Трагическая смерть близкого человека, пожар и наводнение, сопровождавшиеся общественными бедствиями, погромы, беженство, гражданская война являются примерами таких резких изменений социальной среды, которые могут затормозить нормальное социальное развитие ребенка и создать трудно поборимые препятствия на пути приспособления его к новым условиям жизни. Эти социально-психологические „шоки" иррадиируют в разных направлениях и оказывают немалое влияние на дальнейшее поведение ребенка.

Пробелы, несоответствия и отклонения в области социальной среды, окружающей ребенка, проявляют себя особенно сильно в период юношества, при вступлении в социальный коллектив. С наступлением половой зрелости со свойственной ей эмоциональной неустойчивостью, они легко выливаются в форму юношеского протеста, который принимает порою антисоциальные устремления (хулиганство, устремление в сексуальность, социальный негативизм), крайне затрудняющие процесс социального приспособления и создающие конфликт с законом. Они сглаживаются лишь позднее процессом социальной нивелировки, если включение в совместно-трудовой круг все же удается.

Социальное обследование дает нам возможность собрать все факты, необходимые для построения определенной картины социально-психологического развития отдельного ребенка и для постановки диагноза его социальной неприспо-

собленности. Правильный диагноз может быть сделан лишь на базе достаточных педологических знаний, включающих в себя и знания относительно влияния социальной среды.

II.

ПРЕДЕЛЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ.

В центре социальной работы стоит забота о личности и улучшении окружающих ее условий. Поскольку социальная помощь будет проводиться организованно, необходимо надлежащее ознакомление органов, оказывающих такую помощь, с положением личности и ее действительными нуждами. Это ознакомление происходит путем социального обследования каждого отдельного случая.

Традиционный тип обследования, к которому прибегают в громадном большинстве случаев, сводится к посещению обследуемого на дому или в учреждении, в котором он находится, к расспросу его и его близких относительно интересующих обследователя сторон вопроса и к краткой записи полученных сведений, иногда по заранее установленной анкетной схеме, с указанием тех впечатлений, которые вынесены обследователем от виденного и слышанного им. В такой форме обследование сводится к довольно элементарной, рутинной работе, которая не требует каких-либо профессиональных знаний и для которой может быть пригодным всякий сколько-нибудь развитой человек. Обследователь здесь руководствуется здравым смыслом, смутным социальным чутьем и характером данного ему поручения. Не станем отрицать того, что такие обследования, при надлежащей проницательности обследователя и его жизненном опыте, могут оказаться вполне хорошими и в отдельных случаях помочь правильно разрешить данный случай. Но, будучи основаны исключительно на доверии к впечатлению,

вынесенному обследователем, выводы из такого обследования в значительной мере будут субъективны и ненадежны для того, чтобы строить на них план длительной и систематической социальной помощи. Руководствующийся таким обследованием подобен был бы врачу, который построил свой план лечения на сведениях, сообщенных ему пациентом, и на своем впечатлении, вынесенном от наружности пациента, не производя надлежащего медицинского осмотра последнего. В ряде случаев предписанный им курс лечения мог бы явиться успешным, но часто вместо пользы он мог бы принести лишь вред больному, так как диагноз являлся поверхностным.

Первый вопрос, поэтому, на котором приходится остановиться, является вопросом о пределах обследования, или его интенсивности. Пределы эти далеко не всегда являются одинаковыми. В тех случаях, например, когда целью нашего обследования является выяснение простого вопроса о том, нуждается ли индивид в какой-либо вещи, в комнате, в пище и т. п., т. е. в тех предметах, элементарная необходимость которых для каждого человека ясна сама по себе, наша задача обследования очень проста. Было бы бессмысленным расточением сил привлекать к выяснению этих вопросов сведения о наследственности, общих и специальных способностях данного человека, о развитии его в детском возрасте и пр.

Более сложной является наша задача, когда обследование вызвано необходимостью предоставления человеку какой-либо более длительной социальной помощи: выдачи ему длительного пособия, помещения его детей в детское учреждение за общественный счет, предоставления ему возможности длительного отдыха и лечения и т. п. В таких случаях приходится уже более близко ознакомиться с общим состоянием субъекта, с имеющимися у него самого возможностями удовлетворить свою нужду, с тем, насколько намеченный вид

социальной помощи действительно будет соответствовать его потребностям и насколько он является необходимым. Этот тип обследования предполагает со стороны обследователя уменье выявить общие стороны уклада жизни, произвести им надлежащую оценку с определенной точки зрения и дать фактически мотивированное заключение. Но и для этого еще не нужно быть специалистом, не нужны профессиональные познания в той или иной области. Обычно сам обследуемый субъект и его близкие вполне способны в определенной мере выявить свою нужду, и обследователю приходится лишь проверить правильность указанных ими данных.

Наиболее трудной и всеобъемлющей является задача обследователя в тех случаях, когда ему приходится поставить свой диагноз по отношению к субъекту, не сознающему трудности своего положения во всем ее объеме или не находящему выхода из этого трудного положения, когда заключение обследователя должно определить собою, быть может, всю дальнейшую жизнь субъекта, направив работу над ним в ту или иную сторону. В делах о привычном алкоголизме, нищенстве, проституции, бродяжничестве, преступности чаще всего приходится сталкиваться с обследованиями такого рода. Здесь обследователю предстоит разрешить жизненную проблему данного лица, выработать для него план постепенного социального приспособления, учтя все его личные свойства и возможности. Для этого требуется выявление фактов, касающихся наследственности лица, его образования, воспитания, истории профессиональной деятельности, событий его прошлой жизни, его привычек и психологических свойств, обстановки его жизни и социальной среды. Чтобы поставить надлежащий диагноз, обследователь должен охватить весьма значительный круг фактов и учесть их относительное значение. Далее, он должен выяснить, насколько та или иная мера помощи явится действительной, какую помощь необхо-

димо оказать членам семьи, материально от него зависящим, в частности детям, как обеспечить успешные результаты намеченной меры и т. д. Во всех таких случаях найти верный путь социального приспособления не так просто и легко.

По отношению к детям можно различить два основных типа обследования: 1) обследование социальной среды с целью выявления того, насколько она соответствует интересам несовершеннолетнего, насколько она является здоровой воспитательной средой; 2) обследование влияния социальной среды на личность несовершеннолетнего и его поведение, с тем чтобы достичь улучшения его личности и поведения. К первому типу обследования относятся случаи обследования семьи, желающей принять ребенка на воспитание или усыновить его, обследования по делам о жестоком обращении, о злоупотреблении родительскими правами, о склонении несовершеннолетних к нищенству, разврату, преступлениям, обследования, предпринимаемые в целях оказания социальной помощи семьям, имеющим детей, обследования в связи с разводом при споре супругов относительно оставления ребенка у одного из них, обследования по делам опеки и пр. Ко второму типу относятся обследования беспризорных детей, детей, дурно ведущих себя в школе или дома, уклоняющихся от посещения школы, детей-правонарушителей, психопатических детей, детей-алкоголиков и наркоманов и пр. Различие между этими двумя типами обследования выражается прежде всего в задачах обследования. При обследованиях первого типа задача обследования сводится к тому, чтобы, ознакомившись с определенной средой, определить ее пригодность для данного ребенка. Обследования же второго типа ставят своею задачей выправление личности и поведения ребенка. При этом обследовании используются знания об окружающей социальной среде ребенка для того, чтобы по-

ставить надлежащий диагноз состояния его личности. В первом случае мы ориентируемся на объект (социальную среду), во втором — на субъекта (ребенка и его личность). Конечно, различие это относительно, и можно было бы установить ряд переходных форм.

Интенсивность объективного социального обследования определяется тем, насколько благо ребенка связано с решением, которое будет вынесено на основании данных обследования. Определение пригодности определенной социальной среды состоит в выяснении того: а) насколько данная среда удовлетворяет тем стандартам благополучия ребенка, которые в данный момент признаются желательными, б) насколько она обеспечивает ребенку возможность дальнейшего социального воспитания и в) насколько она гармонирует с индивидуальными особенностями данного ребенка. При выборе желательной для ребенка социальной среды из числа нескольких имеющихся в нашем распоряжении возможностей мы можем производить сравнительную оценку их достоинств и недостатков (например, при определении того, в какую семью отдать ребенка на воспитание при наличии нескольких желающих принять ребенка семей). В большинстве случаев, однако, мы имеем дело с нахождением ребенка в определенной среде, и вопрос приходится ставить иначе: насколько дальнейшее пребывание ребенка в данной среде грозит его благополучию, и не представляется ли возможным или улучшить эту среду, или заменить ее другою, более хорошей. Улучшение социальной среды есть по преимуществу работа над поднятием жизненного уровня и личных качеств лиц, окружающих ребенка. Здесь социальному работнику приходится иметь дело со взрослыми членами семьи, соседями, педагогами, товарищами по работе и пр. Благо ребенка будет достигаться здесь посредственным путем, путем работы над его социальным окружением. Чаще всего группою, которую приходится более всего учитывать социаль-

ному работнику, является семья. Оздоровление семейных условий представляет собою ту проблему, которую чаще других приходится разрешать обследователю детской социальной среды. Этим, однако, не заслоняется работа над оздоровлением школы, окружающего соседского круга, товарищеской среды, трудового окружения и пр. Социальный обследователь среды, поэтому, должен обладать большим и разнообразным жизненным опытом и в достаточной мере уметь владеть различными методами общественной работы.

Субъективное социальное обследование или изучение личности и поведения несовершеннолетнего в разрезе определенной социальной среды является наиболее сложной и ответственной задачей. Чтобы поставить правильный диагноз затруднений, испытываемых несовершеннолетним, и связи их с данной социальной средой, необходимо реконструировать весь ход социального воспитания данного несовершеннолетнего и выявить, как те или иные влияния преломлялись в психике данного несовершеннолетнего, нужно провести разграничение между индивидуальными и социальными детерминаторами его поведения и наметить план дальнейших лечебных, педагогических и социальных влияний, могущих наилучшим образом обеспечить правильное социальное воспитание и приспособление данного несовершеннолетнего. С принятием того или иного плана в значительной мере связана часто вся будущность несовершеннолетнего, и потому для составления своего заключения обследователю необходимо привлечь все существенные факты, характеризующие личность несовершеннолетнего, его умственное, физическое и моральное развитие, его социальные реакции, а также главнейшие данные об его домашней обстановке и других формах его социального окружения. Все эти факты не сразу являются очевидными. Они должны быть собраны путем планомерной деятельности, надлежаще проверены, систематизированы, обобщены и, наконец, проанализированы.

Для этого нужны и определенные методы работы и определенные знания, позволяющие учесть симптоматическое или причинное значение этих фактов.

Социальный обследователь подходит к каждому случаю индивидуально, т. е. учитывая все его особенности и подвергая их определенному анализу. У него не должно быть заранее готовых шаблонов, которые можно было бы прилагать каждому отдельному случаю. Плох тот врач, который имеет в своем распоряжении лишь несколько рецептов, прописываемых им для определенных болезней, не считаясь с особенностями каждого больного. Точно также плох тот социальный работник, который имеет два-три рецепта, заранее готовых, которые он и применяет, не производя подробного исследования в каждом случае. Индивидуальный подход к каждому случаю характеризует работу обследователя как квалифицированного профессионала, а не как ремесленника.

Техническим подспорьем в обследовании является обследовательский, или анкетный, лист, содержащий список вопросов, выяснение которых желательно с точки зрения задач, преследуемых обследованием. При правильном отношении к обследовательскому листу, применение его не противоречит началу индивидуализации обследования. Обследователь должен относиться к нему лишь как к способу, несколько облегчающему его работу, но не заменяющему самостоятельного намечения круга обследуемых вопросов. Работа обследователя заключается не в том только, чтобы дать ответ на вопросы, указанные в анкетном листе, а главным образом в том, чтобы углубить обследование в тех частях, которые он считает более важными и характерными для данного случая. Анкетный лист — это канва, на которой должен быть изображен рисунок. Композиция рисунка может требовать сосредоточения в одной части особенной густоты точек, линий, красок и оттенков с заполнением других частей лишь необхо-

димыми контурами и штрихами. Если обследователь склонен придать значение в этиологии социальной неприспособленности индивидуальным факторам, то те части обследования, которые относятся к наследственности лица, его раннему развитию, испытанным болезням и пр., должны быть изложены особенно полно и обстоятельно. Напротив того, если указания ведут в область социальных факторов, требуется особенно подробное исследование экономического положения, профессиональной деятельности, социальной среды, развития социальных реакций личности и т. п. Таким образом в пределах анкетного листа работа обследователя все же остается индивидуализированной. Но кроме намеченных заранее вопросов, правильно составленный анкетный лист оставляет широкий простор для самостоятельных дополнений с стороны самого обследователя.

Пользование анкетным листом облегчает работу обследователя, позволяя ему лучше ориентироваться в массе доступного его изучению материала и выделять из него более существенное. Вместе с тем анкетный лист обеспечивает известное единообразие работы, при наличии нескольких обследователей, и делает результаты ее легче обозримыми и удобнее сопоставляемыми друг с другом в целях дальнейшей групповой или статистической разработки материала. Научно-статистическая разработка материала всегда должна иметься в виду. Каждое обследование фиксирует уголок жизни или характеризует социальный факт с такой полнотой, с какой он обычно не воспринимается нами. Из обобщения и группового анализа этих фактов мы получаем более широкую картину, позволяющую нам характеризовать определенное социальное явление более углубленно и широко и на основании такой характеристики сделать более обоснованные выводы относительно взаимной зависимости отдельных признаков этого явления. Путем составления таких социальных характеристик мы имеем возможность расширить наши

знания о фактах социальной жизни и углубить практический опыт.

Методические указания относительно анкетных листов могут относиться к составлению их и порядку пользования ими. Каждая из этих сторон требует отдельного рассмотрения.

Составление обследовательского листа. Задача обследовательского листа состоит в том, чтобы охватить, по возможности полнее, но соблюдая вместе с тем экономию сил обследователя, все стороны исследуемого случая, представляющие важность для выработки правильного диагноза и для принятия определенного практического решения. Каждый случай, подлежащий социальному обследованию, имеет свои особенности. Однако по отношению к ряду однородных фактов возможно выделение таких признаков, которые типичны для них всех. Нельзя создать единого обследовательского листа для всех типов обследований, не рискуя совершенно обезличить содержание каждого из них. Но, с другой стороны, в интересах экономии средств и возможности дальнейшей обработки материала, нельзя слишком индивидуализировать обследовательский лист, приурочивая его к слишком дробным и мелким группам социальных фактов. Правильный путь лежит посредине. По общему правилу, каждая практическая социальная проблема дает основание к обследованию ее при помощи специального обследовательского листа.

Обследовательский лист редко может быть выработан сразу, в самом начале работы. Набросок его неоднократно проверяется путем опыта и практики, видоизменяется и совершенствуется в процессе самой работы. Для составления хорошего обследовательского листа необходим коллективный опыт нескольких обследователей, так как каждый из них обладает в некоторой степени субъективным подходом к социальному явлению. При составлении обследователь-

ского листа необходимо учесть и то, насколько выполнимы отдельные его задания. При современном уровне знаний, при многих несовершенствах техники обследования, включение в обследовательский лист ряда вопросов может оказаться совершенно излишним баластом, так как надежных и объективных ответов по ним получить нельзя. Чем выше подготовка обследователя, чем шире круг его знаний и чем больше имеется компетентного руководства работой обследователей, тем вопросы, включаемые в обследовательский лист, могут быть сложнее и углубленнее.

Следует отличать обследование, производимое в научных целях, от обследования, преследующего цели практические. В первом случае преследуется не столько экстенсивность, широта собираемых сведений, сколько их максимальная точность и определенность. Во втором случае обычно ценится экстенсивность обследования, а получаемые данные фиксируются с такой степенью точности, какая потребна для принятия практических житейских решений.

В каждом более углубленном обследовательском листе можно различить четыре основных части: 1) персональную часть, 2) общие данные, характеризующие обследуемую личность и ее социальную среду, 3) специальные данные, необходимые для правильного разрешения проблемы, вызвавшей необходимость обследования, и 4) заключение обследователя.

В персональную часть обычно включаются следующие сведения: имя и фамилия обследуемого лица, его адрес, время и место рождения, национальность, семейное состояние, длительность проживания в данной местности, по возможности прежние адреса. Эта часть содержит минимум сведений, необходимых для отождествления данного лица, для нахождения его среди многих других лиц. Сведения, изложенные в этой части, обладают сравнительной устойчи-

востью; они заносятся также в особую личную карточку, которая служит для справочных целей, для нахождения соответственного дела, для статистической обработки. При работе всегда ощущается надобность иметь такую карточку под руками: расположенные в алфавитном порядке личные карточки дают возможность быстрой ориентировки в наиболее часто требующемся материале. Почти все эти данные могут быть установлены путем справок в документах, касающихся данной личности.

Значительно сложнее вторая часть, содержащая общие данные, характеризующие личность и ее социальную среду. Для характеристики социальной среды можно с удобством использовать приведенное нами в предшествующей главе различение тех отдельных социальных кругов, которые формируют личность в ее постепенном развитии. Соответственно с этим намечаются следующие части этого раздела обследования:

I. Семейная и домашняя обстановка. Сюда включаются сведения о родителях, других детях, взрослых родственниках, живущих вместе с семьей, их возрасте, занятиях, образовании, местожительстве (если они не живут вместе с обследуемым). Если обследуемый живет не в родной семье или у одного из родителей, то включаются также сведения о лицах, на попечении которых он живет, и составе их семьи. Относительно матери желательно помещение сведений о ее девичьей фамилии и того социального положения, которое она занимала до замужества. Сюда же обычно, если необходимым является собирание данных о наследственности, включаются сведения о наследственных болезнях, нервных и конституционных недомоганиях наследственного характера родителей, при чем в таких случаях желательно привлечение данных и относительно других восходящих и близких родственников. Подсобное значение для собирания данных о наследственности имеют генеалогические

таблицы.[1] Специальная характеристика должна быть дана отдельным сторонам домашне-семейной обстановки, а именно должны быть указаны: *А. Жилищные условия:* число и размеры комнат, санитарное состояние помещения, число живущих и, в частности, живущих в комнате, занимаемой ребенком, наличие посторонних жильцов, степень сухости, теплоты и светлости помещения, меблировка его, убранство, число кроватей или приспособлений для сна, квартирная плата и пр.; *Б. Экономические условия семьи:* характер и размеры заработка отдельных членов семьи с указанием той части, которая идет на общесемейные нужды, другие источники дохода, сбережения, долги, получаемая со стороны помощь, рациональность расходного бюджета семьи. *В. Моральная атмосфера семьи:* отношения, существующие между членами семьи, в частности, между отцом и матерью; при наличии отчима или мачехи отношения их между собою и к другому, не живущему с ребенком родителю; характер сожительства (фактический, регистрированный брак); отношение членов семьи к обследуемому ребенку и другим детям и, обратно, отношение ребенка к другим членам семьи; культурное развитие, моральные качества, образ жизни взрослых членов семьи, в частности, должны быть отмечаемы алкоголизм, преступность, проституция; *Г. Здоровье семьи:* нервность, душевные болезни, туберкулез, сифилис, инвалидность отдельных членов семьи, забота о здоровьи и понимание правил гигиены; достаточность обуви, одежды ребенка, опрятность ее.

II. Окружающие соседские условия. *А. Общий характер местности* (центральная часть города, окраина, рабочий квартал, трущобная часть), характер уличной жизни, наличие поблизости садов, мест для игр. *Б. Соседские связи:* состав населения дома (рабочие, ремесленники, мел-

[1] См. приложение.

кие торговцы, лица без определенных занятий и пр.); обычные посетители семьи, их характер, репутация, отношение к обследуемой семье, помощь и вред, оказываемые ими, интерес, проявляемый ими к обследуемому и отношение к нему. *В. Товарищеские связи:* одинаковость или различие возраста, пола, развития товарищей по сравнению с обследуемым; интересы, связывающие его с ними; способ времяпрепровождения в их обществе; их моральный облик; положительное или отрицательное влияние их на обследуемого; место встреч; известность или неизвестность их старшим членам семьи; *Г. Другие лица, с которыми приходится сталкиваться обследуемому:* работодатель, сослуживцы, врач, представители общественных организаций; отзывы местной милиции и детской социальной инспекции.

III. Школьная жизнь. Находится ли в школе, в какой (адрес), в каком классе, и успешно ли учится? В каких школах обучался раньше? Продолжительность обучения и регулярность обучения; школьные пропуски и причины их; в каком возрасте вышел из школы и по какой причине прекратил школьное обучение; имеющиеся профессиональные навыки и знания; отзывы заведующего школой и учителей о ходе обучения, об интересах и поведении обследуемого; метод преподавания в школе; отношение к педагогам; влияние на школьных товарищей.

IV. Товарищеский круг и развлечения. С кем больше дружит (пол, возраст, развитие, нравственные качества товарищей)? Участвует ли в юношеских организациях, кружках, клубах и каких; отзывы товарищей по организации, руководителей клуба и пр.; излюбленные развлечения; кино и излюбленные фильмы; танцы; спорт; участие в экскурсиях; художественные интересы; флирт; откуда достает деньги на развлечения?

V. Профессиональная работа и профессиональный круг. С какого возраста начал профессиональ-

ную работу и где? Какими видами труда последовательно был занят? Какую профессиональную подготовку получил? Если менял места работы, то по каким причинам, как долго находился на работе? Если без работы, то сколько времени; какие попытки делал к приисканию работы; способы существования и времяпрепровождение в период безработицы? Получаемый заработок и способы его расходования. Состоит ли в профсоюзе и в других рабочих организациях; отзывы товарищей по работе и администрации.

Сведения о социальной среде, естественно, должны быть дополнены характеристикой самой личности обследуемого. Эта характеристика должна охватить физические, умственные и социальные качества обследуемого, могущие иметь значение для выработки определенного плана его дальнейшего социального воспитания. Она может быть или краткой, или распространенной, в зависимости от того, является ли обследуемый средним, типическим для определенной среды ребенком, или же он представляет собою известные „трудности", отклонения от нормы, своеобразия. При социальном обследовании центральной частью является психологическая характеристика ребенка, однако она не может быть достаточно выявлена без изучения его соматических и физиологических особенностей, с одной стороны, и актов поведения — с другой.

Личная характеристика обычно включает в себя следующие моменты:

А. История физического развития. Условия, в которых протекала беременность его матери и осложнения при родах. Возраст, когда стал ходить, говорить, усваивать элементарные привычки опрятности; возраст появления молочных зубов. Физические дефекты и их происхождение. Перенесенные детские болезни. Дефекты речи. Недержание мочи. Задержки физического развития. Время появления первых признаков полового созревания (менструации у де-

вушек, лобковая растительность, перелом голоса и проч. у мальчиков). Начало половой жизни. Перенесенные заразные, нервные и иные болезни. Сведения о предшествующих врачебных освидетельствованиях, если таковые имели место.

Б. Физическое состояние в настоящее время. Физиономия и общий внешний вид. Специальные приметы. Рост. Вес. Зрение. Слух. Другие антропометрические измерения (груди, головы, физической силы и пр.). Конституция. Состояние носа, горла, сердца, легких, кишечника, половых органов, мускулатура, кожа, зубы, пищеварение, пульс и т. д. Общая физическая бодрость и общее состояние здоровья. Исследование нервных рефлексов, моторных функций, речи.— Привычки относительно половой жизни, курения, потребления алкоголя и других наркотиков.

В. Психологическая характеристика. Умственное развитие (определение умственной одаренности путем применения тэстов с выводом коэффициента умственного развития). Специальные психологические качества: внимание, наблюдательность, память, воображение, характер ассоциаций. Анормальности в области восприятия (галлюцинации, иллюзии). Темперамент и характер. Общая эмоциональная устойчивость. Эмоциональный тип (угнетенность и чувствительность, раздражительность, живость). Нервные симптомы (бред и хождение во сне, сновидения и кошмары, страхи, головная боль, фантазии, мечтательность, истерические проявления и пр.). Симптомы душевных болезней и психозов. Развитие инстинктов (аппетита, полового влечения, гнева, корыстности, склонности к бродяжничеству, пугливости, покорности, самоутверждения, любопытства, грусти, привязанности, общительности и пр.). Скрытые психологические комплексы и психические конфликты, поскольку их удалось проанализировать.—Психотехническое обследование. Способности к ручному труду, к языкам, к математике, изобретательность и т. д.

Г. Социальная характеристика. Отношение к другому полу. Отношение к своей собственной личности и к своему будущему. Кем хотел бы быть? Жизненные интересы. Отношение к авторитету старших, руководителей. Степень привязанности к родным, к товарищам. Круг этических и правовых представлений и характер социальной мотивации. Склонность к правонарушениям. Склонность к азарту, скитальчеству, половой распущенности, мстительности. Отношение к животным, к более слабым. Активность и самоутверждение в социальном кругу (вожачество) или пассивность и внушаемость. Правдивость и лживость. Хитрость или прямота. Откровенность или замкнутость. Неуживчивость или покорность обстоятельствам. Другие подмеченные черты социального порядка.

При помещении обследуемого в специальное наблюдательное учреждение врачебный и психологический материал может быть углубляем и пополняем в зависимости от потребностей диагноза. Аналитическая характеристика, дающая ответ на ряд отдельных вопросов, может быть пополняема или даже заменяема синтетической характеристикой, дающей в сжатых чертах социально-психологический облик обследуемого лица.

Третья часть обследовательского листа, содержащая специальные данные, необходимые для разрешения проблемы, вызвавшей необходимость обследования, естественно, определяется в каждом отдельном случае различно. Обычными поводами к производству более углубленных обследований являются аномалии в области поведения ребенка, выражающиеся в совершении правонарушений, дурном поведении в школе или в детском учреждении, в побегах из дому или резких выходках по отношению к домашним, в образе жизни, угрожающем благополучию несовершеннолетнего (алкоголизме, проституции, бродяжничестве) и пр. Большинство этих проявлений

характеризуется термином трудновоспитуемости. Но трудность лежит не столько в особенностях ребенка, сколько в диагнозе его состояния и выработке мер к его улучшению. Специальная часть обследования сводится прежде всего к характеристике поведения несовершеннолетнего и отклонений его от нормальных социальных реакций. Так, при обследовании детских и юношеских правонарушений обследователь должен дать подробную характеристику того проступка, который послужил основанием к жалобе или заявлению на несовершеннолетнего, выявить прежние случаи совершения им правонарушений, проследить факторы, способствовавшие их совершению, восстановить обстановку, при которой они были совершены, установить способы их совершения и мотивы, руководившие несовершеннолетним, определить роль других соучастников и степень их влияния на несовершеннолетнего и пр. Словом, обследователь должен дать характеристику поведения, проявленного несовершеннолетним в определенной, конкретной обстановке. Для объяснения этого поведения ему зачастую придется пополнить круг социальных фактов, указанных выше в общем обследовании. Так он направит особое внимание на те случайные встречи и знакомства, которые имел малолетний; соберет сведения о его поведении и опыте в тех учреждениях, в которых малолетний воспитывался или содержался, в частности об опыте в исправительных и тюремных учреждениях, если несовершеннолетний побывал в них; он ознакомится с характером той литературы, которая поглощалась несовершеннолетним, тех кинофильм, к которым он питает особое пристрастие; он обследует, наконец, места, в которых чаще всего любил бывать несовершеннолетний, и т. д.

Если основанием для обследования является нетерпимое поведение несовершеннолетнего в домашнем кругу или побеги из дому, внимание обследователя, очевидно, будет направлено на более подробное выяснение условий жизни семьи.

Ему придется войти в гущу семейных отношений, распутать клубок эмоциональных переживаний ребенка в составе данной семьи, выявить переживания его в более ранние годы, словом, поставить диагноз того семейного конфликта, который переживается ребенком или который испытан им был в прошлом.

При жалобе на дурное поведение в школе или уклонение от посещения ее, обследователю придется ознакомиться с условиями самой школьной жизни: с характером педагогов и их отношением к малолетнему, с постановкой преподавания и доступностью преподавания для данного малолетнего, с существующими отношениями между школьной и домашней жизнью ребенка, с его умственными запросами и интересами, со степенью его умственной одаренности, характером его школьных товарищей и пр.

Область фактического материала, подлежащего охвату обследованием при разрешении какой-либо специальной задачи, общим образом определить трудно. Роль обследователя состоит не в том, чтобы регистрировать все, имеющее отношение к вопросам, указанным в общей или специальной части обследовательского листа. Он должен углублять свое обследование до тех пор, пока у него не создастся определенный и достаточно обоснованный взгляд на основной корень того зла, с которым ему предстоит бороться. Этот помогающий решению взгляд американские работники называют „clue conception“ или „key conception“ — „гвоздем“ или „ключом“ положения. Благодаря ему открывается путь к пониманию данного случая, и в соответствии с ним становится ясным, какие элементы в собранном материале приобретают особую важность и нуждаются в более тщательном исследовании. Этот „ключ“ должен быть найден путем общего, непредвзятого рассмотрения уже собранных материалов, а не диктоваться субъективной предрасположенностью обследователя во всем видеть проявление факторов одного какого-либо

порядка: наследственности, плохой семейной обстановки, патологических особенностей, экономических условий и тому подобного. Мы называем такое излюбленное объяснение „коньком". „Сесть на своего конька" значит отдаться всецело одной какой-либо теории, не обращая внимания на факты действительности, ей противоречащие. От этой односторонности, свойственной многим узким специалистам, должен быть свободен обследователь, и тогда ориентировка в собираемом материале для него не будет трудна, а, с другой стороны, его обследование не будет проникнуто субъективностью.

Последняя часть обследовательского листа обычно содержит в себе заключение обследователя. Это заключение не является решающим, так как право решения обыкновенно сохраняется за другим лицом, коллегией или органом, по поручению которых обследователь действует. Однако оно имеет большой вес, так как исходит от человека, непосредственно ознакомившегося с фактами и специально интересовавшегося данным случаем в течение известного периода времени. Заключение обследователя является главнейшим (а порою и единственным) материалом, на котором этим органам приходится базироваться при решении вопроса об оказании социальной помощи, принятии педагогических и иных мер. Оно поэтому должно быть составлено с особенной тщательностью и вдумчивостью. Какой-либо схемы для заключения обычно не дается. Можно указать лишь те элементы, из которых оно слагается. Правильно составленное заключение должно содержать в себе: 1) краткое и связное изложение случая на основании добытых материалов с указанием тех трудностей, которые он представляет; 2) попытку объяснения этих трудностей влиянием тех или иных факторов (диагноз данного случая); 3) указание имеющихся возможностей к устранению этих трудностей и к улучшению положения несовершеннолетнего или его поведения,

а также указание шансов на успешность результатов (прогноз); 4) практический план оказания социальной помощи или проведения социального воспитания несовершеннолетнего (практический рецепт, программа социальной работы по отношению к данному случаю). Об этой части работы обследователя мы скажем подробнее в дальнейшем.

Пользование обследовательским листом. Возможен двоякий взгляд на значение подробного обследовательского листа: он может рассматриваться как некоторая инструкция обследователю, указывающая, на что должно быть обращено его внимание, или же он рассматривается как отчет о проделанной им работе. Подробно составленные обследовательские листы обычно выполняют скорее роль инструкции. Заполнение их для каждого отдельного дела вряд ли необходимо и имеет свои отрицательные стороны: трата времени на выяснение вопросов, мало существенных для диагноза данного случая, загромождение обследователя канцелярской работой по их заполнению, трудность ориентировки в них, неудобство заполнения их в месте производства обследования и пр. Использование таких листов в качестве инструкции требует от обследователя лишь предварительного изучения и запоминания вопросов, включенных в обследовательский лист, собирание же данных и их фиксирование происходит без его помощи; итоги обследования сообщаются в виде связного описания случая. Однако при таком использовании подробного обследовательского листа необходимо параллельное применение и краткого обследовательского (анкетного) листа, в который заносились бы сравнительно немногие данные, представляющие важность для систематизации и статистической обработки, данные, дающие возможность беглой ориентировки в данном случае. Эта система, предполагая наличие двух типов обследовательских листов (подробного и анкетного), все же является практически более удобной при менее сложных обследованиях, чем

система составления подробных обследовательских листов для каждого случая.

Пользование подробными обследовательскими листами как формой отчетности при работе имеет место обычно тогда, когда обследование, кроме практических задач, ставит себе и задачи научные, или когда обследуемые случаи в большинстве своем являются сложными и трудными для решения. При наличии в распоряжении учреждения достаточного числа социальных работников и при возможности использовать для канцелярской работы технические силы желательно пользование подробными обследовательскими листами; при отсутствии этих условий за ними приходится сохранить значение инструкции и заполнять их лишь для дел, представляющих особую сложность и трудность, пользуясь в остальных случаях более краткими анкетными листами. Контроль же над тщательностью работы обследователя с большим удобством может быть проводим при помощи дневников, которые должен вести обследователь и в которые он заносит краткие сведения о работе, проделанной им по тому или иному обследованию.

В обследовательском листе собранные материалы располагаются топографически (т. е. по отдельным вопросам), а не хронологически (т. е. не в том порядке, в каком предпринимались отдельные действия по обследованию). Преимуществом топографического метода является легкая обозримость соответственных фактов и возможность более сосредоточенного освещения отдельных сторон дела. Но этот метод расположения материала имеет и свои недостатки: здесь затушевывается самый процесс собирания материала, теряется критерий достоверности полученных данных, так как не указываются источники информации, разрушается целостное впечатление от характеристики, данной обследуемому тем или иным лицом, мнение которого об обследуемом представляет значительный интерес. Эти не-

достатки отчасти могут быть ослаблены посредством внесения коррективов. Так, в начале каждого обследовательского листа (удобнее всего после изложения персональной части) должны быть перечислены использованные источники информации, при чем каждый из них может быть помечен определенной цифрой (1, 2, 3 и т. д.); в дальнейшем при даче ответов на отдельные вопросы, касающиеся характеристики обследуемого, его поведения, фактов его прошлой жизни и пр., в тех случаях, когда обследователь не мог проверить правильности этих указаний собственным наблюдением или документами, следует отмечать тот источник информации, откуда сведение было получено; это с удобством может быть сделано путем указания в скобках соответственной цифры. Так, например, 1 — от матери, 2 — от отца, 3 — от заведующего школой, 4 — от работодателя, и т. д. Если данное сведение внушает обследователю сомнение в своей правильности, то на ряду с указываемой цифрой он ставит вопросительный знак. Если требуется дать общую характеристику надежности показаний какого-либо лица относительно несовершеннолетнего, то она может быть сделана при заполнении вопросов, относящихся к данному лицу, поскольку оно входит в круг семьи, соседей, товарищей и т. д. Характерные отзывы отдельных лиц об обследуемом могут быть помещаемы в подлинных выражениях с указанием на то лицо, от которого они исходят.

Можно указать еще один прием, полезный для проверки показаний, в особенности показаний, исходящих от самого обследуемого. После первой беседы с обследуемым, обследователь составляет предварительный набросок обследования, отражающий исключительно картину того, как высказывается лицо о самом себе, о своем поведении, о своих отношениях к окружающим. Вслед за этим производится подробное обследование с привлечением информации из других источников и с поверкою сведений, помещенных в пред-

варительном наброске. На основании этих новых материалов составляется проверенный обследовательский лист. При сопоставлении его с сообщениями самого обследуемого часто получается картина, резко отличная от первоначальной. Анализ расхождений и противоречий, имеющихся между первоначальным наброском и проверенными сведениями дает богатый материал для характеристики личных качеств обследуемого (искренности, правдивости, представления о себе), для выявления скрытых психологических комплексов его и т. д. На фоне объективной перспективы проверенного обследовательского листа резче выделяется субъективная перспектива первоначальной записи.

При ответе на вопросы обследовательского листа обследователь должен помнить, что его задачей является изложение фактов, а не субъективных впечатлений (своих или чужих). Факты всегда и более красноречивы, и более убедительны, субъективное же впечатление шатко и трудно поддается объективной проверке. Конечно, изложение отдельных фактов несколько увеличивает работу обследователя: всегда легче ограничиться кратким замечанием, вроде „сильно нуждается", „лжив", „раздражителен", „умственно-неразвит" и т. п., чем привести ряд фактов, на основании которых может быть сделано такое заключение. Но искусство обследователя заключается в том, чтобы подобрать наиболее показательные *симптоматические* факты, достаточно ярко свидетельствующие об известной черте или особенности, о характере существующих отношений, об обстоятельствах жизни, характеризовать которые стремится обследователь. Приведенный факт может быть элементарен, изложен лаконически, но он должен быть показателен, красноречив.

III.

ТЕХНИКА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ.

Собирание материала, составляющего содержание обследования, требует со стороны обследователя овладения рядом технических приемов, обеспечивающих надежность, полноту и доброкачественность обследования. Большинство их приобретается посредством практического опыта, но все же не лишним будет остановиться на них в общих чертах и в настоящей работе, так как приобретаемые только опытом практические навыки не всегда являются удачными и верными.

Обследовательская работа в ряде отношений отличается от работы следственно-розыскной, хотя бы предметом обследования было преступление (например, жестокое обращение с несовершеннолетним, развращение его или какие-либо правонарушения самого несовершеннолетнего). Прежде всего различны полномочия обследователей и следственных органов. Последние в своей деятельности по собиранию доказательств опираются на возможность применения принуждения (привода, назначения взыскания за неявку, на угрозу ответственности за отказ от дачи показаний, на право обыска и принудительного освидетельствования и т. п.), тогда как обследователь может рассчитывать лишь на свой такт и на добровольное сотрудничество лица, от которого он желает получить нужную информацию. В случае необходимости применения принудительных мер, он должен обращаться к административным и судебным органам, которые могут вмешаться лишь при наличности преступления или нарушения законного порядка. Далее, главное внимание судебно-следственных органов направлено на собрание доказательств какого-либо отдельного поступка, обследователь же преимущественно собирает материал, характеризующий личность и ее особенности, а также окружающую ее

социальную среду. Конечно, и обследователю приходится иметь дело с доказательствами, так как каждый его вывод должен быть проверен и обоснован, но эти доказательства не облечены в форму доказательств судебных. Обследователь не ведет протоколов опроса, не производит формальных допросов, не составляет актов своих осмотров и освидетельствований; произведенные им записи лишены значения каких-либо документов и имеют значение лишь для него самого. Если он желает формально удостоверить какой-либо факт, он приглашает для этого соответственный административный орган.

Методы получения материала могут быть сведены к четырем основным формам: 1) к беседе с обследуемым, 2) к установлению тесной связи с семьей обследуемого и посещению обследуемого на дому, 3) к выявлению и использованию источников информации, лежащих за пределами семьи обследуемого, и 4) к собственному непосредственному наблюдению. Каждый из этих методов мы рассмотрим в отдельности.

1. Беседа с обследуемым. Залогом успеха обследования в большинстве случаев является обеспечение доверия и готовности сотрудничества со стороны самого обследуемого. Обследователю приходится вскрыть и проанализировать весьма интимные и мало выявленные психологические черты личности обследуемого, и потому без углубления в область переживаний обследуемого дать сколько-нибудь подробную характеристику его крайне трудно. Средством такого углубления и вместе с тем главнейшим источником информации при социальном обследовании является непринужденная личная беседа с обследуемым, происходящая в условиях, обеспечивающих ее интимность. Не допрос, включающий в себя некоторое психическое понуждение к даче ответов, а именно беседа, т. е. свободное высказывание и выслушивание, обмен суждениями, наличие обоюдного интереса у собеседников,

является формой получения обследователем необходимых сведений и впечатлений. Чтобы обеспечить возможность такой беседы, необходимы определенные условия. Нужна психологическая подготовка к беседе, состоящая в рассеянии мнимых страхов, успокоении, в выражении участия и симпатии. Обследователь должен найти правильный подход к беседе; имея перед собою более взрослого человека, он может апеллировать к его разуму, указав на свою дружескую готовность помочь ему найти выход из трудного жизненного положения и на желание совместно с ним обсудить создавшееся положение; приступая к беседе с несовершеннолетним, обследователь начинает с общих вопросов, касающихся различных внешних обстоятельств или таких сведений о лице, которые не вызовут, по его мнению, какого-либо волнения или тревоги, а, напротив того, внесут некоторое успокоение. Далее нужно найти подходящий момент для такой беседы и создать для нее подходящую обстановку. Иногда представляется желательным производить беседу не при первом свидании, а при втором или при третьем посещении, когда устранится некоторая подозрительность, часто появляющаяся при посещении семьи незнакомым человеком. Если несовершеннолетний находится в состоянии возбуждения или подавленности, иногда лучше отложить беседу на некоторое время. Интимность беседы обеспечивается отсутствием во время беседы посторонних лиц, хотя бы то были другие члены семьи обследуемого (впрочем, в некоторых случаях, в особенности когда дело касается детей младшего возраста, наоборот, желательно присутствие кого-либо из родителей или близких к ребенку лиц, так как в их присутствии он чувствует себя спокойнее). Должно быть возможно меньше обстоятельств, прерывающих спокойное течение беседы. Это особенно следует иметь в виду, если беседа происходит в служебном помещении обследователя, куда приходят за различными справками, где ведутся зачастую

посторонние разговоры и пр. Комната, где происходят беседы, должна быть изолирована, поэтому, от общего помещения, где производится прием посетителей или где происходит канцелярская работа. Беседа может происходить на дому у обследуемого, в служебном помещении обследователя или в нейтральном месте, где по условиям данного случая она окажется наиболее целесообразной. Беседа на дому является общим правилом по отношению к несовершеннолетним. Лишь после того как отношения будут налажены, обследователь может вызывать несовершеннолетнего к себе. Если беседа происходит в учреждении (в детдоме, в больнице, в месте лишения свободы), обследователь должен дать понять обследуемому лицу, что он не связан с администрацией учреждения и что собираемые им сведения не предназначаются для использования в данном учреждении; в противном случае трудно будет рассчитывать на искренность субъекта.

Обследователь не должен сразу же обнаруживать недоверия к сообщениям собеседника, хотя бы он позднее отбросил их как неправильные или ложные; эти сообщения ценны сами по себе как материал для психологической характеристики лица, несмотря на их лживость. Но он должен стараться узнать от обследуемого такие источники, из которых затем могут быть получены более точные сведения, нужные для проверки данных, сообщенных обследуемым. Этой цели служат сведения о близких и родных с указанием их местожительства, сведения о местах проживания лица в предшествующее время, о школе, о месте настоящей и прежней работы, об учреждениях, в которых находился обследуемый. В отношении этих сведений следует стремиться к особой точности, чтобы избавить себя от напрасной и тяжелой работы. Все сведения, которые могут быть получены путем справки в документах, если получение ответов на соответственные вопросы не является нужным для психологической

характеристики лица, должны быть избегаемы. Формальный допрос, производимый следственными органами, именно и начинается с вопросов об имени, фамилии, возрасте, национальности, месте рождения, социальном положении, прежней судимости и т. п., между тем все эти сведения легко могут быть получены посредством справки в документах, а при трудности или невозможности получить таковые, узнаны в домовом управлении, в ближайшем участке милиции или даже в адресном столе. Введение этих вопросов в беседу приближает ее к формальному допросу и мешает основной цели ее.

Американские социальные работники для целей своей практики выработали подробнейшую „технику беседы" (technique of interview), предназначенную для того, чтобы помочь обследователю получить интересующие его данные от собеседника как взрослого, так и малолетнего. Видная специалистка вопроса, преподавательница социального обследования в университете Миссури, Колькорд подвергает анализу и критике 86 различных технических приемов ведения беседы. Директор Ассоциации помощи семьям в Миннеаполисе Пирль Сольсбери насчитывает их до сотни. Для любопытства приведу некоторые классификации из этой последней работы. Сольсбери устанавливает семь основных технических приемов успешного ведения беседы: 1) приемы, рассчитанные на то, чтобы ослабить напряженность собеседника; 2) приемы, рассчитанные на то, чтобы беседа не отклонялась от своей задачи и внимание собеседника было сосредоточено на вопросах, имеющих важность для дела; 3) приемы, посредством которых собеседнику оказывается помощь для того, чтобы он легче мог сделать трудное для него признание; 4) приемы, рассчитанные на преодоление „защитных реакций" (defense mechanisms) собеседника; 5) приемы, воздействующие на рассудительность собеседника; 6) приемы, имеющие целью дать обследователю возможность

выиграть время; 7) приемы, направленные на то, чтобы загладить неприятное впечатление, вызванное дурным началом беседы.

Каждая из этих групп приемов, в свою очередь, включает в себя различные способы действия. Так, для ослабления напряженности собеседника рекомендуется 10 следующих приемов: 1) подбадривающее согласие, поддакивание, подогревающее собеседника, 2) ослабление серьезности положения указанием на обычность его и на его хорошие стороны, 3) расчленение общего вопроса на его составные части, 4) обратное — переход от частностей, вызывающих бурную эмоцию, к общей проблеме, 5) непосредственное физическое соприкосновение (например, взятие руки, положение руки на плечо, рукопожатие), 6) применение шутки, 7) введение некоторой доли юмора, 8) радушно-гостеприимное обхождение: пододвигание стула, заботливость к неудобствам, помощь раздеться и пр., 9) объяснение задачи обследования, ее важности, отсутствия сколько-нибудь нежелательных последствий для обследуемого, 10) общие одобрительные замечания относительно личности собеседника. Каждый из этих приемов определяется обстоятельствами беседы. Для преодоления „защитных реакций" рекомендуются такие приемы, как: 1) предвосхищение конечного извинения, 2) „попадание в точку", 3) „внезапное застижение врасплох", 4) „поток красноречия", 5) „загнание в угол", 6) „раскрытие сразу своих карт", 7) использование сведений, полученных на стороне, 8) „нагнание страху", 9) отступление с целью найти удобный момент для перехода в наступление, 10) „выбитие оружия из рук" и т. д. Для того чтобы пресечь отклонения от основного вопроса, рекомендуется „избегать отклонений"; „закрыть выходы", „овладеть положением", не отвечать на отклоняющие вопросы, отвечать односложным „да" и „нет", вернуть дело на рельсы прямым вопросом и т. д.

Подобного рода механизация беседы едва ли осуществима без внесения в нее значительной доли искусственности; но знакомство с психологией беседы вообще далеко не излишне для социального обследователя, так как беседа является главным методом в его деятельности. Направление беседы зависит от характера задачи, преследуемой обследователем, от запаса сведений, уже собранных обследователем, от места и обстановки, в которой она производится, и т. д.

Беседа, в особенности первая беседа, не должна быть торопливой; быстро и под ряд задаваемые вопросы, нетерпеливо выслушиваемые ответы и сообщения нервируют обследуемого и оставляют после себя неприятное впечатление. С другой стороны, беседа не должна быть и слишком длительной, создающей чрезмерное утомление; при необходимости затронуть в беседе большое количество вопросов, лучше разбить ее на несколько приемов. Этой же цели служит создание в беседе пауз (перерывов), во время которых возможен разговор на совершенно посторонние темы или собеседование с другими.

Большое значение при беседе имеет искусная постановка вопросов обследователем. Умелый собеседник подводит собеседника к определенным темам беседы и получает от него ответ на интересующие его вопросы прежде, чем он сам формулирует их. Многих вопросов вообще можно избежать, если обследователь будет внимательно прислушиваться к рассказу обследуемого. Обследователь должен избегать таких вопросов, ответ на которые непосилен несовершеннолетнему или на которые лучший ответ смогут дать другие лица. Вопросы должны быть формулированы таким образом, чтобы обследуемому легко было дать правдивый ответ на них. Применение каких-либо уловок с целью выявить противоречия в ответах едва ли уместно; гораздо рациональнее прямо указать на несогласованность ответов и просить надлежащего разъяснения ее. Чтобы умело ставить вопросы,

обследователь перед приступом к беседе должен ознакомиться со всеми сведениями, имеющимися в прежних делах или полученными при прежних обследованиях данного несовершеннолетнего. Наводящие вопросы, нежелательные на судебном следствии, вполне допустимы при беседе. Они облегчают возможность удержания нити в своих руках и часто облегчают положение отвечающего, в особенности, когда им является несовершеннолетний, не всегда правильно понимающий поставленный ему вопрос. При постановке вопросов менее всего нужно придерживаться порядка обследовательского листа. Вопросы должны следовать в психологически понятном порядке. Начав, например, беседу с расспросов о родных и близких, обследователь может естественным путем перейти затем к воспоминаниям раннего детства, к расспросам о товарищеской среде, о школьных успехах и злоключениях, к беседе об интересах и привычках и т. д. Если темой беседы является совершенное несовершеннолетним правонарушение, то неправильным методом было бы начать беседу с оценки совершенного или с вопросов, касающихся обстоятельств правонарушения. И здесь следует вначале вести беседу о сторонах, характеризующих самого несовершеннолетнего, выявлять обстоятельства его жизни и характер среды, в которой он живет, и лишь затем подойти к расспросу о проступке, мотивах его совершения и его общественно-вредном характере.

При проведении беседы обследователь не должен оставаться объективно-холодным выслушивателем сообщаемого ему. Он должен проявлять свое участие в горестях и затруднениях обследуемого, развивать в нем надежду на успешный результат его попыток к улучшению своего положения, внушать бодрость и энергию; похвала и порицание не должны быть отбрасываемы, но, высказывая их, обследователь должен делать это в форме дружеских указаний, в форме любовно-педагогического руководства. Для того

чтобы придать более дружеский характер беседе, обследователь должен направить беседу в сторону, дающую возможность обследуемому свободно высказаться относительно его отношения к жизни, планов будущего, надежд и стремлений. Эти сведения не менее важны, чем фактические подробности, касающиеся каких-либо обстоятельств дела.

Некоторые затруднения встречаются в вопросе о записи беседы в присутствии обследуемого лица. Как общее правило, ведение каких-либо письменных записей нежелательно. Неопытные работники, получив на руки обследовательский лист, зачастую садятся за стол, задают в порядке листа вопросы и, будучи целиком заняты записыванием, даже не смотрят на собеседника. Это не беседа, а протоколирование; оно менее всего нужно при социальном обследовании и резко противоречит началу ее интимности. Лучше всего записывать содержание беседы вечером, по возвращении домой. Не всегда, однако, обследователь может запомнить все сказанное, в особенности, если дело касается имен, адресов, дат. В таких случаях возможна запись их в виде кратких заметок в записной книжке в присутствии собеседника или, еще лучше, по окончании беседы с просьбой повторить эти указания, если они изгладились из памяти.

При первой беседе обследователь, по общему правилу, должен воздержаться от дачи каких-либо советов или обещаний, так как при дальнейшем расследовании обстоятельства могут оказаться совершенно иными, и он вынужден будет или взять обратно свой совет или обещание, или выполнить его во вред делу. Чаще других обещаний собеседник просит обследователя сохранить в тайне отдельные сообщаемые ему сведения; иногда дача такого обещания выставляется как условие искреннего и полного сообщения. Положение обследователя в таких случаях бывает трудным. Он должен, однако, помнить, что его задача состоит в том,

чтобы выявить известные факты, а не скрыть их. Он может обещать собеседнику, что сообщенные сведения не будут разглашены определенным лицам (даже родителям несовершеннолетнего), что он не укажет на то, что они были получены именно от обследуемого, что, без крайней необходимости, вызванной интересами самого собеседника, они не будут сообщены. В большинстве случаев обследователь может разъяснить обследуемому, что абсолютная тайна не в его собственных интересах. Если же все эти средства не убедят обследуемого, то предпочтительнее вовсе отказаться от получения сведений под условием абсолютной тайны, в надежде, что, хорошенько поразмыслив над своим положением, обследуемый через несколько времени снимет свое условие. Вообще же обследователь должен иметь в виду, что он, подобно врачу, в известной мере связан профессиональной тайной, и разглашение посторонним лицам сведений, полученных при исполнении обязанностей обследователя, могущее в каком бы то ни было отношении повредить интересам обследуемого, является делом недопустимым.

Проведение дальнейших бесед с несовершеннолетним не представляет особых методических затруднений. Эти беседы могут происходить не только по инициативе обследователя, но и в случае желания обследуемого лица. Поэтому при уходе обследователь не должен забыть указать свой служебный адрес и свои часы приема.

2. Установление связи с семьей обследуемого и посещение на дому. Мы выделяем семью из всех других социальных групп, участником которых является несовершеннолетний, потому, что она представляет собою более замкнутый характер и настолько тесно связана с развитием и благополучием несовершеннолетнего, что без внимательного ознакомления с нею почти невозможно правильное суждение о нем самом. В ряде случаев социальному работнику приходится иметь дело с семьей, как с чем-то целым,

так как трудно обособить и улучшить благополучие несовершеннолетнего отдельно от благополучия других членов семьи. Посещение на дому несовершеннолетнего, ознакомление с ним в той обстановке, в которой протекает большая часть его детства и юности, представляет собою, поэтому, элементарное требование всякого обследования ребенка.

Семья охватывает всех лиц, живущих в одном помещении, связанных между собою узами близкого родства и обычно совместно ведущих общее хозяйство. Основным ядром семьи являются родители несовершеннолетнего и его братья и сестры. С социальной точки зрения можно наметить несколько типов семей:

1) здоровые, сплоченные семьи, в которых связь между членами семьи является тесной и прочной, где ребенок окружен заботой и вниманием; в них он получает все необходимое для удовлетворения своих материальных потребностей и для спокойного эмоционально-социального развития; 2) семьи распадающиеся, в которых связь между членами семьи является настолько слабой, что достаточно сравнительно небольшого социального толчка, чтобы она распалась; это ослабление семейной связи является результатом плохой жизни родителей между собою, несоответствия их друг другу, резкого расхождения между родителями и детьми, отсутствия у родителей достаточного интереса к их детям, алкоголизма одного из родителей или обоих вместе и т. д.; дети уходят из такой семьи в раннем возрасте и утрачивают дальнейшую связь с нею; остающиеся дети не чувствуют в достаточной степени своей близости к такой семье и компенсируют себя товарищескими и иными связями на стороне, пропадая большую часть времени из дому; свои материальные потребности они удовлетворяют, часто добывая на стороне честным или преступным путем необходимые средства; из таких семей по преимуществу вербуется кадр безнадзорных детей; 3) семьи распавшиеся, ли-

шенные одного или обоих родителей вследствие развода, ухода из дома, смерти; здесь связь между старшими и младшими членами семьи, если она и имеется, является случайной, кратковременной, поверхностной; ушедший родитель или вовсе забывает о существовании своих детей или редко навещает их, или ограничивается посылкой им алиментов; в распавшихся семьях мы нередко встречаем сожительство детей, происшедших от разных родителей, неодинаковое отношение к отдельным детям, холодное, порою даже враждебное отношение к отдельному ребенку со стороны нового супруга (отчима или мачехи); в результате у детей наблюдается стремление уйти из семьи или развиваются различные детские формы протеста против создавшихся семейных условий; семьи этого рода больше всего поставляют детей беспризорных и трудновоспитуемых.

Помимо указанной социальной характеристики семьи, учитывающей прочность связи между отдельными ее членами, можно указать и другие критерии для классификации семей. В целях удобства можно разбить каждую классификацию на 5 групп, соответственно пятибальной оценке: плохая, слабая, средняя, хорошая и прекрасная. Этот пятибальный метод является удобным и привычным, хотя, конечно, он имеет лишь относительное значение и может быть заменен каким-либо иным. Пользование им облегчает обследователю краткую характеристику семьи в том или ином отношении, заменяя чисто субъективную оценку масштабом более объективного порядка.

Так, с точки зрения экономического положения семьи мы можем назвать: экономически-плохими или нуждающимися — семьи, которые не имеют никакого заработка, живут на счет благотворительности или весьма скудных пособий, которых не хватает на удовлетворение самых насущных нужд, старшие члены которых являются хронически безработными, инвалидами, больными; условия

жилищной обстановки являются примитивными. Экономически-слабыми или недостаточными могут быть названы семьи, не имеющие регулярного заработка, нуждающиеся время от времени в посторонней поддержке; семьи, живующие на весьма скудный заработок, едва могущий удовлетворить элементарные потребности в пище. Экономически-средними или удовлетворительными могут быть названы семьи, нормально поддерживающие существование своих членов, но неспособные удовлетворить потребности более высокого характера или делать какие-либо сбережения; при неблагоприятных обстоятельствах (болезни, потере места) они нуждаются в поддержке со стороны; условия жизни соответствуют скромному масштабу среднего рабочего. Экономически-хорошо поставленными семьями можно назвать семьи, имеющие доход, достаточный для удовлетворения обычных нужд и даже для создания некоторого комфорта; семьи, имеющие, кроме месячного заработка, некоторые запасы имущества, могущие быть обращенными в случае нужды на удовлетворение надобностей; семьи, живущие в условиях, превышающих средний масштаб. Наконец, экономически-зажиточными — семьи, располагающие большими доходами, могущие удовлетворять потребности в роскоши, имеющие значительные сбережения или крупное имущество и т. п.

Оценивая моральную атмосферу семьи, включающей в себя детей, мы можем назвать плохими семьи, где свили себе гнездо алкоголизм, проституция, где родители имеют уголовное прошлое и поддерживают связь с преступным миром, где наблюдаются постоянные ссоры, побои жены и детей, где в жилище наблюдается крайняя скученность, грязь и имеются дурные жильцы и соседи, вредно влияющие на детей; морально-слабыми — семьи невежественные и со слабыми общественными задатками; в них мы наблюдаем, если не явную порочность родителей, то не-

достаток у них какого-либо авторитета и способности вызвать к себе уважение со стороны детей; косвенное потворство или попустительство дурным привычкам детей или равнодушие к ним; морально-средними — семьи, в которых отсутствуют особые черты безнравственной или преступной жизни и имеются средние обывательские представления о дозволенном и недозволенном, возможна судимость кого-либо из членов семьи, но профессиональная преступность отсутствует; наблюдается стремление воспитывать детей по обычному трафарету, без особого внимания к развитию в них морально-стойких качеств; морально-хорошими семьями — семьи, старшие члены которых честны, ведут трудовой и порядочный образ жизни, имеют стойкие нравственные убеждения и стараются передать их детям, семьи, которые стремятся окружить детей хорошими товарищами и удержать их от дурных развлечений; наконец, прекрасными — семьи, где наблюдается исключительное внимание со стороны родителей к социальному воспитанию детей, где имеется крепкая моральная спаянность членов семьи, где репутация семьи является примером для окружающих.

С точки зрения внимания, уделяемого ребенку (присмотра за ним), семьи можно признать: плохими,— когда ребенок растет на попечении лица, им совершенно не интересующегося, или когда, при наличности родителей, их постоянное отсутствие из дому создает полную безнадзорность ребенка; слабыми — когда отсутствует один из родителей, мать занята работой вне дома, родители невежественны в вопросах воспитания и потворствуют дурным привычкам малолетнего и не хотят или не могут бороться с ними: средними — когда имеется такой присмотр, при котором ребенок нормального уклада и характера мог бы развиваться удовлетворительно, но при некоторых анормальностях или при неблагоприятной окружающей среде надзор является недостаточным; наблюдается неумение повлиять

на ребенка и приучить его к определенной дисциплине; **хорошими** – когда имеется заботливое и разумное отношение к детям, могущее обеспечить им хорошее воспитание, если не обнаружатся какие-либо нервно-болезненные наклонности малолетнего или влияния, лежащие вне обычной сферы родительского присмотра; наконец, **прекрасными** — когда на стороне родителей мы видим разумное понимание особенностей ребенка, его специфических нужд, когда применяются правильные методы воспитания и обнаруживается готовность всегда притти ему на помощь при затруднениях.

Аналогичная классификация могла бы быть создана и по отношению к другим сторонам семейной обстановки. Социальный обследователь, подойдя к какой-либо семье, не только должен собрать сведения, касающиеся отдельных членов семьи, как это предлагается обследовательским листом; он должен произвести известный синтез этих сведений и дать оценку семейной обстановке. В этом несомненную пользу ему может принести развитый нами прием классификации. Определения того, какой уровень следует признать плохим, слабым, средним и т. д., должны строиться применительно к определенной местности, среде, группе, они должны быть подвергнуты коллективному обсуждению и лишь затем предложены обследователю в качестве масштаба оценки.[1]

Каждая семья имеет свою **историю**, часто особую от истории отдельных ее членов. События семейной истории, ее передвижения из одной местности в другую, происходившие в ней рождения и смерти, резкие перемены материального благополучия, семейные драмы, временный распад и новое соединение, все это накладывает печать на существование семьи и оставляет сильный след в психике несовершеннолетнего. Диагноз современного состояния последнего часто невозможен без знания его семейной истории. Все

---

[1] См. приложение.

необходимые для соответственной характеристики истории семьи сведения лучше всего могут быть получены от старших членов семьи. Расспросы их относительно событий семейной жизни служат хорошим средством расположить их к себе; они позволяют обследователю постепенно стать другом данной семьи и оказать ей действительную помощь. При собирании данных о наследственности зачастую приходится выходить за пределы семьи, касаться истории рода, и здесь большую помощь могут оказать воспоминания деда и бабушки, память которых более крепко удерживает факты, наблюденные или узнанные ими в молодые годы.

Следует дать некоторые указания относительно беседы, которую обследователь должен проводить с отдельными членами семьи.

Нередко обследователь ограничивается беседой с одною матерью несовершеннолетнего, игнорируя отца. Правда, мать обычно лучше знакома с психологией детей, но это верно, лишь поскольку они находятся в домашнем кругу. Беседа с отцом дает возможность услышать более объективное суждение о детях. Воззрения отца, его привычки и образ жизни во многом определяют собою воспитание ребенка. От его заработка и трудовых качеств во многом зависит благополучие семьи. Ознакомиться с взглядами отца, выслушать его точку зрения на испытываемые ребенком затруднения обязательно уже потому, что решающая роль в семье чаще всего принадлежит ему. Даже в том случае, когда отец не живет с семьей, беседа с ним является не лишней: иногда устранением создавшейся в семье тяжелой обстановки можно вернуть отца в семью. Беседу с отцом порою желательно проводить отдельно от беседы с матерью. Если отец поздно возвращается домой, то можно навестить его в месте его работы или вызвать к себе в удобное для него время. В случае, если пьянство отца или нежелание регулярно работать вредно отражаются на всей жизни семьи, беседа

может сопровождаться указанием на необходимость взять себя в руки и оказанием помощи, предоставлением необходимой работы, лечения или советами.

Беседа с матерью обыкновенно дает возможность ознакомиться с различными горестями и нуждами семьи. Она открывает многие мелкие стороны жизни, ускользающие от непосредственного наблюдения. Мать может подробно рассказать о ходе повседневной жизни семьи, о том, как тратятся деньги на нужды семьи, об особенностях раннего детства каждого ребенка, об отношении детей друг к другу и пр. Но более всего эта беседа раскрывает перед обследователем умственный горизонт матери, ее характер, ее взгляды на воспитание. При беседе с матерью следует осведомиться об ее девичьей фамилии, прежних занятиях, образовании, состоянии ее здоровья, числе умерших детей. Мать лучше всего может порассказать относительно знакомств семьи и характера соседей. Обычно и сведения о родственниках лучше помнятся матерью. Расспросы матери о домашнем хозяйстве, жилище, характере пищи детей большею частью могут быть заменены непосредственным наблюдением домашней обстановки и семейного хозяйства, которые обыкновенно говорят красноречивее, чем сама хозяйка.

Ознакомление с другими детьми семьи может дать много материала для суждения о домашней обстановке вообще: их внешний вид, состояние здоровья, обращение, отношение к авторитету матери, разговоры друг с другом отражают на себе облик семьи. Общая беседа с детьми даст представление об их интересах и настроениях. Знакомство с положением других детей в семье позволит обследователю сделать заключение о том, является ли обследуемый им ребенок продуктом семейной атмосферы, наложившей в одинаковой мере свою печать на всех детей, или же его поведение или состояние следует приписать преимущественно его индивидуальным особенностям. Обследователь сможет

подметить неодинаковое отношение родителей к отдельным детям и в беседе с детьми выявить причины этого. Если обследуемый ребенок держит себя отчужденно от других детей, то ключ к этому также может быть найден путем расспроса его братьев и сестер. Установление возраста каждого из детей позволит обследователю проверить, насколько соблюдаются в семье правила о посещении школы детьми школьного возраста, закон о детском труде, насколько использованы пособия и льготы, предоставляемые семьям, имеющим детей до 16 лет, и пр. Интерес к старшим детям, имеющим уже самостоятельный заработок, оправдывается возможностью заручиться их помощью в проведении присмотра над ребенком, в оказании ему материальной поддержки, в защите его от обид и побоев.

Опросы других родственников и лиц, живущих в семье, порою нужны для того, чтобы выяснить роль их в семье: в чем они разделяют семейные тяготы, каково их мнение о ребенке, каковы их образ жизни, привычки и не влияют ли эти последние дурно на детей. В случае, если беседа с ними в пределах семьи представляется неудобной, они могут быть вызваны обследователем к себе.

Задачей обследователя при установлении связей с семьей является не только получение от членов ее необходимых сведений, но и обеспечение со стороны их искреннего стремления содействовать ему в разрешении задачи социального приспособления и воспитания несовершеннолетнего.

3. Использование источников информации, лежащих вне семьи. Лишь в сравнительно редких случаях социальный обследователь может получить все интересующие его сведения из беседы с обследуемым и из расспросов членов его семьи. Чем старше по возрасту несовершеннолетний, тем шире круг его социальных отношений, и тем чаще члены семьи остаются в полном неведении относительно связей его, существующих на стороне. С другой

стороны, сведения, полученные от обследуемого и от домашних, далеко не всегда являются надежными. Необходимо, поэтому, обращение к другим источникам информации: к живущим отдельно родственникам, врачам, школьным педагогам, соседям, администрации учреждений, в которых находился обследуемый, работодателям, органам милиции, в учреждения по оказанию социальной помощи и т. д. В ряде случаев обращение может исчерпываться простым наведением справки, получением формальных сведений, просьбой о присылке каких-либо материалов. В таких случаях достаточно телефонного или письменного запроса. В американских благотворительных обществах и органах охраны детства для этой цели приглашаются менее квалифицированные работники, так называемые field workers (в буквальном переводе — полевые работники; они работают как бы в поле, т. е. на широком поприще); при отсутствии их собирание этих сведений может быть возложено на канцелярию учреждения и даже на технических служащих, специально выделенных для этой цели.

Непосредственное обращение обследователя к таким внешним источникам информации происходит лишь тогда, когда требуется путем личной беседы выяснить такие вопросы, которые не могут быть удостоверены официальной справкой или же когда личное знакомство с данным лицом имеет важность для характеристики социальных отношений обследуемого. Обращение к другим источникам, будучи сопряжено с значительной потерей времени, должно быть предварительно продумано. Здесь играют роль не только соображения о дальности расстояния, степени доступности этого источника, срочности производства обследования, но, прежде всего, соображения о ценности и значимости его. Аксиомой социального обследования является правило: если какой-либо источник признается ценным для использования, то он должен быть использован надлежащим образом, т. е. из него должны

быть извлечены возможно более точные, подробные и ценные сведения. Мария Ричмонд в своем руководстве по социальному диагнозу формулирует семь принципов выбора сторонних источников: 1) обращаться за сведениями прямо к тем лицам, которые лучше всего могут знать обследуемого; 2) предпочитать тех, которые могут дать больше сведений, тем, которые могут лишь оказать помощь при проведении мер воздействия; 3) выбирать тех, которые являлись непосредственными свидетелями, и лишь при недостатке их обращаться к тем, которые могут дать информацию из вторых рук; 4) предпочитать тех, которые могут дать дальнейшие нити, не распутанные при беседе с обследуемым или его домашними; 5) разбить лиц, могущих дать информацию, на несколько групп и взять из каждой группы наиболее надежных; 6) ограничиться беседой с одним, если можно считать, что все члены группы вынесли приблизительно одинаковое впечатление, в противном случае сопоставить впечатления нескольких; 7) наличие противоречий в полученных сведениях является указателем необходимости дальнейших расспросов. Все эти правила можно суммировать в следующем совете: нужно стремиться к выбору наиболее осведомленных, наиболее заслуживающих доверия и наиболее объективных лиц.

По отношению к каждому из этих источников информации можно было бы дать более детальные указания относительно методов расспроса, как то мы находим в некоторых американских руководствах по социальному обследованию. Нам, однако, думается, что при наличии жигейского благоразумия и такта у обследователя, нет надобности подробнее останавливаться на этих вопросах. Так, само собою разумеется, что при беседе с родственниками нуждающейся семьи следует учесть возможность привлечения помощи с их стороны и что отзывы родственников не всегда бывают беспристрастными; что обращение к врачу или во врачебно-обследова-

тельское учреждение должно иметь место в тех случаях, когда обследователь предполагает наличие у обследуемого каких-либо болезней или психических дефектов; что беседа с работодателем должна быть обставлена таким образом, чтобы не вызвать увольнения обследуемого с работы; что справки у соседей не всегда желательны, чтобы не вызвать с их стороны всяческих сплетен; что беседы с учителями школы не должны ограничиваться формальными справками о поведении, а служить способом собирания их наблюдений над ребенком во время пребывания его в школе; что следует использовать сведения, имеющиеся о несовершеннолетнем во всякого рода местных организациях, у местных социальных работников, в домовом управлении и в милиции; что полезно порою побывать в домах, где семья проживала раньше, и т. д. Все эти приемы информации зависят во многом от местных условий, и собирание данных в небольшом городе или селе будет совершенно иным, нежели собирание их в пределах большого города. Эти приемы, наконец, будут зависеть от характера той цели, которой вызвано обследование.

4. На ряду с собиранием сведений от других значительный материал может быть получен обследователем путем его непосредственного наблюдения, которое является всегда наиболее надежным источником. Только таким образом он может изучить жилищные условия обследуемого лица, познакомиться с внешней обстановкой его жизни, получить представление о характере окружающих его лиц. При известной наблюдательности самые мелкие факты могут пролить свет на более глубокие стороны обследования. Например, присутствуя при трапезе семьи, обследователь может видеть, насколько хозяйственна мать, насколько дисциплинированы дети, каков достаток семьи, насколько одинаково отношение старших к тому или иному ребенку. Внешняя обстановка жилища большею частью

красноречиво свидетельствует о культурном уровне, привычках, заботливости, хозяйственности семьи, она дает ключ к пониманию явлений детской безнадзорности, семейного пьянства, болезней. Лежащая на столе книга может пролить свет на интеллектуальные интересы семьи и т. д. Но не только наблюдения внешней обстановки жизни оказываются полезными. Почти вся психологическая характеристика обследуемого несовершеннолетнего и лиц, окружающих его, составляется посредством случайно сделанных или методически проводимых наблюдений. Обследователь далеко не всегда может произвести психологическое обследование в учреждении с применением всех научных средств психологического диагноза, да и вряд ли это всегда представляется необходимым. Но он может и должен, когда это нужно, систематически подмечать отдельные психологические реакции субъекта в условиях меняющейся обстановки, хотя бы для этого потребовалось неоднократное посещение его на дому, присутствование при его развлечениях в товарищеском кругу и т. д. Полезно делать краткие записи сделанных наблюдений, хотя бы недостаточные и разрозненные; чрез некоторое время они могут оказаться весьма ценными для составления общей характеристики; в своей совокупности они дадут обоснованный вывод, который явится убедительным и для других. Если обследуемый находится в учреждении, то к своим собственным наблюдениям обследователь может присоединить наблюдения, сделанные педагогическим составом учреждения; но полагаться всецело на эти последние не всегда следует. Сталкиваясь в своей работе со множеством различных лиц и характеров, обследователь постепенно развивает в себе способность уже по сравнительно немногим признакам производить общую оценку человека. Однако на такое полученное впечатление не следует очень полагаться, и правильнее будет затем проверить его или беседой с другими или посредством новых наблюдений и даже экспериментов.

лицом, обладающим специальными познаниями и опытностью в деле обследования. Сведущий свидетель, это — лицо, наблюдавшее отдельные обстоятельства дела и вместе с тем обладающее надлежащими познаниями, чтобы оценить их значение. Таким сведущим свидетелем явится врач, наблюдавший умершего от отравления человека в последние часы перед смертью или оказавший ему первую помощь, инженер, производивший расследование несчастного случая на заводе непосредственно после того, как он имел место и т. п. К сожалению, наши процессуальные кодексы не выделяют особо этой категории свидетелей, и потому положение обследователей на судебном следствии является несколько неопределенным.

При собирании материала обследователь обычно действует как доверенное лицо какой-либо организации; он может даже состоять на службе в каком-либо учреждении (напр., в отделе социально-правовой охраны детства, при комиссии по делам о несовершеннолетних), но это не меняет методов его работы, которые остаются методами, рассчитанными на добровольное сотрудничество самого обследуемого и заинтересованных в его судьбе лиц. Служебное положение придает лишь больше авторитетности его действиям в сношениях с другими учреждениями. В существе же своем его работа остается социальной работой, не переходя в работу административно-служебную. Социальный характер работы обследователя заставляет его не отмерять своего времени служебными часами и минутами, а отдавать работе столько времени, сколько она требует. Вечерние часы работы, посещения рабочих семей в воскресные и праздничные дни, постоянная переработка восьмичасовой нормы — почти неизбежные явления в работе социального обследователя.

Обследовательская работа не сводится к беготне и собиранию сведений только на местах. Значительная часть ее протекает в служебном помещении, где происходят встречи с клиентами, производится сводка и запись собранных ма-

териалов, составляется необходимая корреспонденция, наводятся нужные справки, пишутся заключения и т. д. Поэтому обследователи, работающие при каком-либо учреждении, должны иметь свои две-три комнаты, изолированные от наплыва посторонних посетителей, в которых они могли бы сосредоточиться над своей работой или побеседовать с приглашенными лицами. Чисто механический труд переписывания материалов должен быть с них снят и заменен диктовкой его машинистке на основании заметок и записей, сделанных в записной книжке. Той же цели служит и употребление разнообразных печатных бланков, пригодных для рассылки запросов, для периодических отчетов о своей работе, для различных целей обследования. Для удобства наведения справок, при большом количестве дел, должны иметься карточные каталоги: алфавитный, содержащий личные карточки, и систематический — по роду дел и типов обследования; кроме того, должен иметься общий реестр дел. Распределение работы между обследователями должно быть урегулировано так, чтобы не давать почвы для взаимных трений; должны быть установлены средние нормы работы и периодическая отчетность о проделанной работе.

Для успеха работы обследователям должна быть обеспечена возможность обращения за консультацией и экспертизой к врачу-специалисту, к психологу или психиатру в случае, если того потребуют интересы обследования. Если соответственные специалисты не состоят сотрудниками учреждения, то с ними должны быть налажены регулярные взаимоотношения, чтобы обследователю не приходилось устанавливать их каждый раз самостоятельно.

Наконец, у обследователей должна иметься возможность коллективного обсуждения вопросов, связанных с их работой. Этой цели служат не только периодические собрания обследователей, работающих в одном учреждении, но и общие конференции и съезды.

Социальное обследование детства уже в настоящее время практикуется в довольно широком масштабе. Его роль в ближайшем будущем будет еще более значительной. Улучшение его технической стороны, поэтому, может дать немалую экономию сил и средств. От кустарничества в этой области давно уже следует перейти к рационализации труда.

IV.

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ И ПРОГНОЗ.

Работа по собиранию материала на основе обследовательского листа носит по преимуществу, аналитический характер. Каждое полученное сообщение, каждый наблюденный факт обследователь приурочивает к одному из составных элементов анкеты: семейной истории, домашней обстановке, соседскому кругу, личной характеристике и т. д. Это топографическое распределение материала, в сущности, есть не что иное как беспрерывный анализ его. Когда этот анализ достиг известной полноты и законченности, наступает очередь производства синтеза, дачи общей характеристики положения и указания путей к его улучшению. Этот синтез проделанной работы и составляет содержание заключения обследователя, которым должно сопровождаться каждое проведенное им обследование.

Синтез не является простой механической сводкой добытого. Он воссоздает данный случай в таком освещении, которое дает возможность распознать все его особенности и надлежаще оценить его с интересующих исследователя точек зрения. Производство правильного синтеза включает в себя три последовательных операции: 1) проверку и сопоставление полученных данных, 2) постановку диагноза и 3) выработку прогноза. Все эти три операции должны быть выполнены и при сводке результатов социального обследования.

1. Проверка и сопоставление полученных данных. Данные, собранные при обследовании, обладают весьма различной ценностью и достоверностью. При всем своем стремлении к использованию более надежных источников информации, обследователь не в состоянии устранить из полученных им сообщений густой налет субъективизма, пристрастия, односторонности и, наконец, невольных ошибок лица, их сообщившего. Исследования по психологии свидетельских показаний дают нам ряд красноречивых доказательств того, насколько неточными и искаженными являются показания даже более добросовестных свидетелей о фактах. Но при оценке показаний свидетеля приходится иметь в виду, что эти показания даются под страхом ответственности за ложь, что они излагаются в публичном заседании суда под контролем судей и перекрестным огнем сторон и, наконец, что они имеют своим содержанием сообщение о каких-либо определенных фактах, которые сравнительно легко могли быть восприняты и удержаны в памяти. Эти гарантии отсутствуют при даче сведений в порядке социального обследования. Предметом сообщения здесь являются не только факты, но и мнения и оценки; по содержанию своему сообщаемые факты большею частью относятся к области психологической, трудно поддающейся посторонней оценке; наконец, эти факты покрывают собою значительный период времени, в течение которого воспоминания о них могли изменить свой облик. При критике достоверности полученных данных обследователю приходится учитывать степень объективности свидетеля, его внушаемость, компетентность свидетеля произвести правильную оценку определенных фактов, ему приходится учесть те мотивы, которые могли повлиять на данное им показание, наконец, учесть тот круг социальных представлений и понятий, которые неизбежно накладывают свою печать на высказывания каждого человека относительно характера и поведения других. Эта ра-

бота по проверке достоверности полученной информации требует большого критического чутья и вдумчивости.

При проверке материала, собранного путем непосредственного наблюдения, обследователю приходится значительно напрячь силы своей памяти. Конечно, далеко не весь материал его наблюдений заносится в его записную книжку. Многие мелкие черты, казавшиеся в момент их наблюдения ничтожными, незначительными, при общей сводке могут получить большое симптоматическое значение. Осмысливание, критическая проверка своих наблюдений оказывается необходимой и в тех случаях, когда эти наблюдения расходятся с данными, полученными от других лиц, в компетентности и объективности которых обследователь не имеет оснований сомневаться. В таких случаях мысль обследователя должна быть направлена на отыскание источника возможной ошибки или на примирение противоречий, которые могут, в конце концов, оказаться лишь кажущимися.

Для того чтобы не впасть в ошибки при оценке показаний и сообщений других лиц, обследователь должен обладать достаточным запасом самокритики. Несомненно, что и его собственные общественные взгляды и симпатии, черты характера, подготовка накладывают известную печать на его суждения и оценки. Нередко он подходит к своим выводам дедуктивно, т. е. исходя из ряда общих положений, которые он принимает за истину. В этих случаях он легко может впасть в ошибку, поскольку эти общие суждения были им восприняты на веру, вычитаны из каких-либо малонадежных книг или услышаны от недостаточно критических людей. Жизненный опыт очищает наш фонд общих суждений, но порою он и засоривает его различными предрассудками. Во всяком случае, жертвой таких ошибок чаще становятся молодые, начинающие обследователи, чем работники, уже приобревшие некоторый опыт. Поэтому, если при проверке и оценке материала встретятся какие-либо затруднения,

трудно разрешимые для самого обследователя, всегда не бесполезно посоветоваться относительно их с более старшими и опытными товарищами или с руководителем работы.

Но помимо проверки степени достоверности собранного материала, необходима также проверка его полноты. Понятие полноты материала имеет относительный характер. Мы уже говорили о том, что обследователь вовсе не должен собирать и фиксировать все, имеющее отношение к вопросу. Он пополняет и углубляет свое обследование до тех пор, пока не получит возможности дать надлежащее (адекватное) объяснение всех особенностей данного случая. Искусство обследования вовсе не сводится к собиранию возможно большего числа фактов, а к такому координированию фактов, при котором можно было бы получить ясную картину положения. Факты социальной жизни, особенности каждого человека настолько сложны, что почти никогда они не могут быть исчерпаны целиком. При общей сводке материала, однако, заметнее выступают пробелы, требующие заполнения. Они состоят не столько в том, что какой-либо пункт обследовательского листа остался без ответа, сколько в сознании невозможности с надлежащею уверенностью формулировать определенный ответ или в сознании того, что необследованными оказались такие стороны личности или положения, которые смогут резко изменить оценку данного случая, его диагноз.

Молодые обследователи часто при характеристике обследованного случая в своем заключении поддаются влиянию или первоначальной беседы или, наоборот, последнего полученного ими сообщения. Эта внушаемость вредит правильной сводке материала; материал должен быть проверен в своей совокупности и вновь прочитан целиком. Только тогда устранится эта форма искусственной внушаемости.

Проверенные и сопоставленные между собою материалы позволяют затем обследователю дать сжатое, точное

и связное изложение обследованного случая Это изложение является вводною частью к диагнозу. Не лишне здесь остановиться на одном вопросе, относящемся к характеру изложения, именно на живости и сухости изложения. Каждый жизненный случай имеет свои краски. Художественная литература также изображает нам индивидуальные характеры и социальные положения в фактах и действиях, но цели художественного изображения и цели социальной характеристики или социального описания существенно различны. Первое синтезирует жизнь, второе ее анализирует. Художник всегда творит свой тип, пользуясь, быть может, отчасти жизненным материалом; обследователь этот материал фотографирует. Благодаря художественному чутью, если он им обладает, обследователь сможет ярче изобразить наблюденный им характер или картину случая, но он легко сможет здесь подменить подлинные краски жизни красками, продиктованными чисто эстетическими соображениями. Еще хуже, если от художественной реторики будет страдать фактическая сторона описания и изложение фактов заменится одной штриховкой их. Однако указание на опасности художественного увлечения вовсе не приводит нас к выводу о том, что изложение фактов должно быть мертвенно-сухим. Живое чувство симпатии, проникающее обследование, яркость и показательность отдельных фактов сами по себе придают изложению жизненность и красочность, без того чтобы встречалась нужда в искусственном подкрашивании их. Обследователь может выделить особо красочные случаи из своей практики и подвергнуть их затем художественной или литературной обработке, но в своем заключении он не должен гоняться за яркостью, ибо она есть роскошь, а не насущная необходимость.

2. Постановка социального диагноза. М. Ричмонд в своем руководстве определяет социальный диагноз как „возможно более точное определение положения и лич-

ности человека, испытывающего какую-либо социальную нужду, понимая под социальным положением и личностью его отношения к другим людям, от которых он как-нибудь зависит или которые зависят от него, а также его отношения к социальным установлениям его общества". Содержание диагноза (diagnostic summary), по ее мнению, сводится: 1) к изложению социальной нужды, социального затруднения, испытываемого субъектом, 2) к изложению особых обстоятельств и особенностей, отличающих данное лицо от других, 3) к указанию причин, приведших к такой нужде или затруднению, и 4) к перечислению тех возможностей и тех препятствий, которые должны быть приняты во внимание при улучшении его положения. Мы считаем необходимым внести некоторые поправки в это определение. Точное описание случая и особенностей личности мы относим не к самому диагнозу, а считаем лишь преддверием к нему. Указание имеющихся возможностей и препятствий на пути к улучшению социального положения человека мы относим к прогнозу. Диагнозом же в собственном смысле мы считаем попытку выяснения тех факторов, того причинного сцепления обстоятельств, которые привели к данному положению или которые определили собою характер данной личности в ее общественных отношениях. Диагноз есть объяснение факта, а не его описание.

Диагностическая сводка есть синтез отдельных частей, ориентированный на определенное причинное объяснение. Здесь все факты как бы собираются в один фокус, при помощи которого мы получаем более яркое освещение всего положения. Обычный план диагностического обзора сводится к следующим частям: 1) физической и психологической характеристике субъекта с точки зрения установленных факторов, 2) указанию того, как эти факторы отразились в поведении, образе жизни и социальных отношениях субъекта, и 3) установлению причинной связи между обследуемым

поступком, состоянием или дефектом и определенными факторами.

Уже на первых шагах своего обследования обследователь подбирает „ключ“ к объяснению создавшегося положения. Обладание таким „ключом“ не только позволяет углублять исследование в определенном направлении, но и облегчает суммирование данных его. Но ключ еще не даст нам истолкования всего факта, он служит только предварительным шагом к этому. При помощи его мы можем выделить один-два главных фактора (factor major), определяющих данное положение. Но ни один фактор не действует изолированно. Он находится в сложном переплетении с рядом других факторов, которые для данного случая можно назвать дополнительными или меньшими факторами (factor minus). Допустим, например, что мы имеем пред собою случай совершения малолетним правонарушения. Собрав весь материал обследования и анализируя его, мы нащупываем „ключ“ к решению проблемы в неудовлетворительности домашней обстановки: неуютности родительского дома, пьянстве и порочности родителей, игнорировании ими нужд малолетнего, в жестоком с ним обращении. Но этот главный фактор еще не даст нам всего объяснения. В данной семье могут иметься и другие дети, которые тем не менее не совершают правонарушений; имеются и другие семьи, столь же неудовлетворительные, дети которых, однако, не стали правонарушителями. Мы принуждены искать дополнительные факторы и находим их, например, в некоторых особенностях психического уклада данного ребенка, в его большей нервности, возбудимости, внушаемости и пр. или в наличии у него особенно дурных товарищей, или в преждевременном развитии половой жизни и т. д. Установив ряд дополнительных факторов, мы при помощи их совместно с главными факторами сможем дать объяснение не только отдельному правонарушению, послужившему поводом к обследованию несовер-

шеннолетнего, но и различным другим наклонностям, чертам характера, поступкам данного несовершеннолетнего: его неуспеваемости в школе, дурным привычкам, нерегулярной трудовой деятельности, его половой распущенности или хулиганским выходкам. Отдельные факты нашего обследования таким путем связываются между собою известной сетью взаимодействий главных и дополнительных факторов, дающей нам объяснение данного случая. Такое объяснение, покрывающее все основные факты, добытые обследованием, и представляет собою диагноз данного случая.

Мы не сразу можем поставить правильный диагноз. Сначала мы строим предположение, гипотезу, которую затем проверяем на собранном материале. Сталкиваясь с противоречиями, с несоответствиями, с необъяснимыми с точки зрения данной гипотезы чертами и фактами, мы меняем гипотезу, вносим в нее поправки, пока наша первоначальная гипотеза не превращается в наиболее вероятное предположение, подтверждаемое всеми или главнейшими фактами обследования. Только тогда из предположения гипотеза превращается в наше убеждение, т. е. в такую уверенность в ее правильности, которая оправдывает в наших глазах принятие определенных практических мер, вытекающих из ее признания. Установленный диагноз мы должны изложить соответственным образом для того, чтобы он был убедителен не только для нас, но и для других лиц, которым придется выносить решение по данному случаю. Для этой цели мы суммируем факты в виде связной картины, отдельные стороны которой освещаются нами в свете установленных нами факторов. Это и есть диагностический обзор или сводка (см. выше).

Недостаточность диагноза часто маскируется каким-либо термином, наклейкой якобы научного ярлыка, который часто скрывает под собою явления весьма неопределенные. Такие термины, как: „психопатия“, „moral insanity“, „неуравнове-

шенность", „запущенность", „порочность" и др., свидетельствуют лишь о неумении обследователя дать подлинный диагноз положения. Даже если употребленный термин соответствует сути дела, он недостаточен, так как классифицировать явление еще не значит диагностицировать его. С другой стороны, нагромождение в диагнозе различных деталей часто затемняет собою его основные положения. Ясность и отчетливость диагноза — одно из ценнейших его качеств.

Окончательный и полный диагноз далеко не всегда достижим. Продолжая работу над определенным случаем, мы всегда вносим отдельные поправки и дополнения в наш первоначальный диагноз. Поэтому в более сложных и ответственных делах обследователь, даже дав свое заключение, часто продолжает свою работу по уточнению и углублению диагноза, если ему будет поручено проведение в жизнь мер социальной помощи и воспитания, и, в случае необходимости, возбуждает вопрос о пересмотре решения в виду изменившихся выводов его диагноза.

Социальный диагноз в некоторых отношениях отличается от диагноза врачебного. Распыленность и нестрота материала здесь не допускает такой концентрации наблюдения, какую, например, мы имеем при диагнозе состояний организма. Возможность пользования экспериментом здесь значительно меньше. Симптоматика социальных затруднений значительно слабее разработана, чем симптоматика физических и даже психических заболеваний. Но все же в области социального диагноза практика дошла уже до той стадии, в которой постановка достаточно обоснованного диагноза оказывается вполне возможной. Конечно, для того чтобы успешно справиться с этой задачей, обследователь должен обладать рядом специальных знаний и рядом специальных способностей. Знакомство с основными элементами естественных наук, психологией, педологией, социальной гигиеной, обществен-

ными науками, криминологией может дать ему многое. Даже для того чтобы построить первоначальную гипотезу, необходимо быть знакомым с выводами ряда наук. Обследователь должен приобрести навыки в определении степени умственной одаренности людей, в распознании характера их эмоциональной жизни и основных пружин их жизненной энергии. Для того чтобы понять, как человек реагирует на окружающую среду, он должен ознакомиться с физиологией нервной системы и деятельности и с отправлениями человеческого организма. Он должен быть знаком с основами психопатологии, чтобы отличать нормальные психические реакции от ненормальных. Ему должны быть известны и данные социологии, устанавливающей законы взаимодействия между индивидом и группой. Он должен иметь хорошие познания в области педагогики и гигиены. Все эти знания должны быть оживлены практическим опытом и критической мыслью, указывающими стороны, наиболее важные в его работе. Обследователь должен знать жизнь, нравы населения, местные обычаи, круг местных интересов и психологию людей той среды, в пределах которой ему приходится работать. Он должен обладать и некоторыми природными или выработанными способностями: наблюдательностью, тактом, доброжелательностью и приветливостью.

Социальное обследование может вестись или как самостоятельный тип работы, или же, как это мы часто наблюдаем, оно может являться одним из вспомогательных методов других видов профессиональной работы: врачебной, психиатрической, судебной, криминологической, педагогической; в последнем случае оно является методом, углубляющим эту работу в сторону изучения общественной среды как фактора. Если социальное обследование применяется как метод подсобный, то конечный диагноз может быть поставлен только совместно с представителем той специальности, к которой социальное обследование приурочено. Отсюда необходимость

для социального обследователя быть достаточно компетентным в вопросах и данной специальности. Трудно предполагать такую осведомленность у обычного практического работника. Поэтому наблюдается дифференцировка социального обследования по специальностям. Мы уже теперь имеем в некоторых странах специалистов-обследователей в области педагогической, психиатрической, криминологической, гигиенической и экономической.

3. Социальный прогноз. Кроме диагноза, синтезирующего существующее положение, на задачу обследователя выпадает и выработка прогноза, т. е. учета и указания способа использования тех возможностей, которые имеются для улучшения положения субъекта. Вся обследовательская работа в конечном счете направлена к этому практическому результату. Диагноз дает данные для разрешения задачи, прогноз указывает путь к ее решению. Установив главные и дополнительные факторы, мы ознакомились с причинами явления, но нам нужно учесть и средства, имеющиеся в нашем распоряжении для того, чтобы устранить дальнейшее неблагоприятное влияние этих причин. Тяжесть окончательного решения этого вопроса обычно лежит не на обследователе, а на органе, от которого зависит принятие решения, но в задачу обследователя входит указание тех возможностей, которые дает нам случай. Обследователь может определить, возможно ли рассчитывать на изменение уклада семейных отношений и при каких условиях это изменение могло бы быть достигнуто; имеется ли среди родных и близких такой человек, который мог бы оказать помощь обследуемому и принять на себя заботу о нем; насколько значительны шансы на улучшение моральных качеств лица или на приспособление его к регулярному труду; требует ли оно изоляции в виду опасности для окружающих или нет; способно ли оно к самостоятельной жизни или нуждается в систематическом присмотре со стороны других; какая

форма помощи необходима для остальных членов семьи, страдающих от социальной неприспособленности данного лица, и т. д. Он может указать на те затруднения, с которыми придется социальному работнику встретиться на пути улучшения со стороны самого обследованного лица и его окружающих. Словом, он выдвигает все те элементы, от которых зависит успех будущей социальной работы над данным лицом. Выявить эти возможности обследователь должен уже при производстве самого обследования, заручившись сотрудничеством тех лиц и организаций, которые могут оказаться полезными.

Надлежаще составленный прогноз кладется в основание выработки плана социальной или иной помощи. В этом плане помощи должны быть указаны желательные меры. Помощь должна быть намечена в виде определенной линии социальной работы, ведущей к социальному воспитанию и социальному приспособлению лица, а не в виде паллиативных мер, т. е. мер кратковременной помощи, не устраняющих сути зла. Последние терпимы лишь постольку, поскольку планомерная помощь не может быть сразу обеспечена. При рекомендации мер обследователь не должен терять чувства соответствия целей и средств. Он должен учитывать также имеющиеся в распоряжении учреждения, при котором он состоит, возможности и способы оказания помощи и соразмерять степень наблюдаемой в данном случае социальной нужды с нуждой, остающейся без удовлетворения в других случаях. Можно очень широко наметить в своем заключении круг желательных мер помощи, но все эти рецепты окажутся построенными на песке при данных материальных и иных условиях. Он не может руководствоваться такими стандартами, какие являются слишком высокими для определенной среды или непосильными для государства и общества, несмотря на их принципиальную желательность. Он должен учесть возможность выполнения плана

и с точки зрения личных сил. Он должен мысленно поставить себя на место того социального работника, педагога или администратора, на которого будет возложено выполнение этого плана, и посмотреть смог ли бы он выполнить соответственную задачу. Впрочем, нередко выполнение плана социальной помощи именно и возлагается на самого обследователя; в таких случаях он имеет возможность проверить эмпирически правильность и выполнимость его. Этим путем он постепенно приучится к выработке „практических планов помощи" в отличие от планов отвлеченных или недостаточно сообразованных с имеющимися возможностями.

Допустим, что мы имеем дело с тем же случаем юношеского правонарушения, о котором мы говорили выше при характеристике диагноза. Мерами практического плана здесь могут быть: попытка воздействовать на родителей путем угрозы отнятия ребенка или помещение ребенка в детское учреждение; направление отца в диспансер или больницу для алкоголиков; обучение матери лучшему ведению хозяйства и разъяснение ей необходимых правил ухода за ребенком; направление малолетнего в обследовательское учреждение для более углубленного диагноза его психического состояния; переселение семьи в другую часть города для разрыва с дурными знакомыми и товарищами малолетнего; установление надзора за поведением малолетнего; определение его в школу, более соответствующую его способностям; устройство его у кого-либо из более надежных родственников; включение его в здоровый круг детской или юношеской организации и т. д. Выбор одной или нескольких из предложенных мер будет определяться указаниями прогноза и их наилучшей реализуемостью. При выборе мер обследователь не должен ограничивать своего внимания только мерами, строго относящимися к самому обследуемому лицу. Социальной единицей, с которою чаще всего приходится иметь дело обследователям детства, является с е м ь я. Члены семьи

связаны друг с другом не только экономическими, но и моральными узами, любовью, взаимной заботой и помощью, общим воспитанием, сходством привычек, отношением к окружающим. Разрешить проблему социального приспособления очень трудно, не затронув интересов и положения всей семьи. Если семья не является безнадежно плохой или слабой, проблема воспитания детей, особенно младшего возраста, обычно разрешается в пределах семьи. Если даже данный ребенок удаляется из семьи, то возникает вопрос о судьбе других детей, интересы которых не могут быть игнорируемы. При оставлении малолетнего в семье, улучшение положения ребенка часто может быть достигнуто посредственным путем, путем влияния на положение и поведение других членов семьи. Можно улучшить положение мужа, воздействуя на жену, улучшить положение детей, воздействуя на родителей и старших родственников; можно дать хороший образец малолетнему в лице его старшего брата или сестры, которым он склонен подражать. Во всех таких случаях объектом непосредственного воздействия явится семья в целом или отдельные члены семьи, а конечною целью воздействия — интересующий нас несовершеннолетний.

Не станем останавливаться на методах самого социального воспитания и социального приспособления, так как это выходит за рамки нашей темы. Отметим только, что известная длительность и систематичность наблюдения получаемых результатов, постоянное видоизменение и улучшение плана в порядке проведения его в жизнь, гибкость его являются существенными условиями успеха. В каждом случае, приняв ту или иную меру, следует затем проследить, насколько она привела к желаемому результату. Только тогда мы скопим тот опыт, который сделает наши практические рецепты достигающими своей цели.

В заключение подчеркнем еще раз мысль о том, что и план социальной помощи должен быть столь же индивидуа-

лизирован, насколько индивидуализировано само социальное обследование. Социальной работе, еще в большей мере, чем медицине, чужды универсальные рецепты или панацеи. Между детьми, принадлежащими к одному социальному кругу и даже к одной семье, существуют бесконечные различия. Высчитано, что если бы людям было присуще всего пять основных качеств, каждое из которых можно было бы характеризовать предложенной нами пятибальной оценкой, то мы имели бы в результате 3125 различных индивидуальностей. Во сколько же раз большее разнообразие их являет нам действительная жизнь! Физическое развитие каждого человека протекает по определенному стереотипу; с каждым новым поколением зародышевые клетки в своей эволюции к организму проделывают один и тот же путь развития, и вместе с тем как много физических различий мы наблюдаем между людьми! Путь развития от инстинктивно-беспомощного новорожденного младенца к развитой социальной личности, умело ориентирующейся в сложных отношениях современной социальной жизни и могущей своими силами обеспечить себе жизненный минимум благ, бесконечно пластичнее и сложнее пути биологического развития индивида, и наблюдаемые здесь отклонения и различия, поэтому, еще резче и многочисленнее. Только при помощи длительного накопления материалов социального обследования мы сможем постепенно свести это многообразие к определенным типам и разновидностям их и, исходя из них, построить типологию социального развития человека.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ ВОПРОСА.

Специальная литература по вопросам социального обследования вообще и отдельных его видов в частности появилась главным образом в Северной Америке, начиная со второго десятилетия XX века. Основным пособием здесь является книга, составленная рядом американских работников под общей редакцией Марии Рич-

монд: Mary E. Richmond, „Social Diagnosis". New-York, Russel Sage Foundation. 1917. К этой работе приложен значительный список литературы, появившейся до 1916 г. Работа эта в сжатом переложении немецкой социальной работницы вышла в серии „Die Wohlfahrtspflege in Einzeldarstellungen" под заглавием: Alice Salomon, „Soziale Diagnose". 1926, Verlag C. Neymanns. В 1927 г. она появилась и в сокращенном французском переводе: Mary Richmond, „Les Méthodes nouvelles d'assistance. Le service social des cas individuels". Trad. par Réné Sand. Paris, 1927. Немецкое и французское издания значительно уступают оригиналу. Очень краткий очерк социального обследования мы находим в итальянской брошюре Frances Rapicavoli Forchheimer, „Il lavoro sociale negli Stati Uniti". Roma. Inst. Italiano d'igiene, previdenza e d'assistenza sociale. 1923. Менее обстоятельный очерк, чем в книге М. Ричмонд, но с большим углублением в методику вопроса, дает книга Ada Eliot Sheffield, „The Social Case History. Its construction and content". New-York. Russel Sage Foundation. 1920. Ей же принадлежит интересная работа „Case-study Possibilities". Boston. Research Bureau on Social Case Work. 1922, являющаяся продолжением предыдущей. Теоретическое углубление в вопросы взаимодействия индивида и общества дает книга Franklin H. Giddings, „The scientific study of human society". Chapel Hill. Univ. of North Carolina. 1924. Интересные сведения о технике социального обследования мы находим в докладе Pearl Salsberry, „Techniques in Case Work", напечатанном в американском журнале „The Family" (July, 1927, p. 153). Общий обзор методов социального обследования, применяемых в различных областях, дают книги F. Stuart Chapin, „Field work and Social Research". New-York. Century Co. 1920; S. A. Queen, „Social Work in the Light of History". Philadelphia. Lippincott. 1922.

Не меньшую ценность представляют работы касательно отдельных видов социального обследования, в которых методы работы углублены применительно к какой-либо специальной общественной проблеме. Так, из серии работ, касающихся обследования несовершеннолетних правонарушителей, можно указать на работы: „Manual for probation officers". New-York State Probation Commission, 3 edition. 1920; W. Healy, „The individual delinquent". Chicago. 1915, 2 ed. Boston. 1921; C. Burt, „The young delinquent". London. Univ. of London press. 1925. „Wittier Social Case Study Manual" by Harold Williams. California Bureau of Juvenile Research. 1921. Ценными для обследования преступности, хотя и затрагивающими более

зрелый возраст, являются: M. B. Fernald, M. S. Hayes and A. Dawley, preface by K. B. Davis, „A study of women delinquents in the New-York State. N.Y. 1920; Dr. Adolf Lenz, „Grundriss der Kriminalbiologie". Wien, J. Springer. 1927. Работ по социальному обследованию детства в более широком понимании мы не встречаем в литературе Запада. Некоторые замечания по этим вопросам мы находим лишь в обстоятельной, но преимущественно компилятивной книге H. Többen, „Die Jugendverwahrlosung und ihre Bekämpfung". Münster. Aschendorff. 1927.

На русском языке мы имеем недавно вышедшую работу Л. И. Саушкина „Опыт методического руководства для обследователей-воспитателей комиссии по делам о несовершеннолетних", под редакцией И. И. Шеймана. Москва. ГИЗ. 1927. Работа эта содержит ряд ценных практических указаний применительно к обследованию несовершеннолетних правонарушителей.

Ряд ценных работ по вопросам социального обследования и методики его рассеян по журналам. Особенное внимание этим вопросам уделяют журналы: „Survey", „The Family", „Mental Hygiene", „Proceedings of the American Association for Social Work", „American Journal of Criminology"; из немецких — „Zeitschrift für Kinderforschung".

ГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ПРИ СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛЕДОВАНИИ.

Некоторую помощь для ориентировки в значительной массе фактов, собираемых при социальном обследовании, может оказать пользование различными графическими схемами, дающими возможность более наглядной и отчетливой систематизации добытых материалов. Пользование графическим методом является ценным подспорьем и при демонстрации того или иного случая и для беглого сопоставления отдельных случаев между собою. Графический метод является подготовительным шагом для создания формул социального развития. Всякое научное знание стремится к выработке таких формул, которые позволили бы исследователю облегчить свое внимание и память применением терминов и обозначений, значение которых является твердо установленным. В области социального исследования этот метод применялся еще очень мало, но все же некоторые приемы схематизирующего оформления отдельных случаев могут быть рекомендованы уже и в настоящее время.

1. Почти всеобщее признание нашел себе метод графического оформления данных, касающихся наследственности лица. Общепринятая схема наследственности лица дает возможность сразу охватить разнообразные родственные отношения и учесть распространенность и порядок передачи отдельных наследственных дефектов. Схема эта строится следующим образом.

Таблица имеет вертикальное и горизонтальное направления. В вертикальном направлении обозначаются отдельные поколения, в горизонтальном — боковые родственные отно-

шения. Таблица читается снизу вверх, так как обследуемое лицо обычно принадлежит к одному из позднейших поколений (рис. 1). При составлении таблицы употребляются следующие условные обозначения:

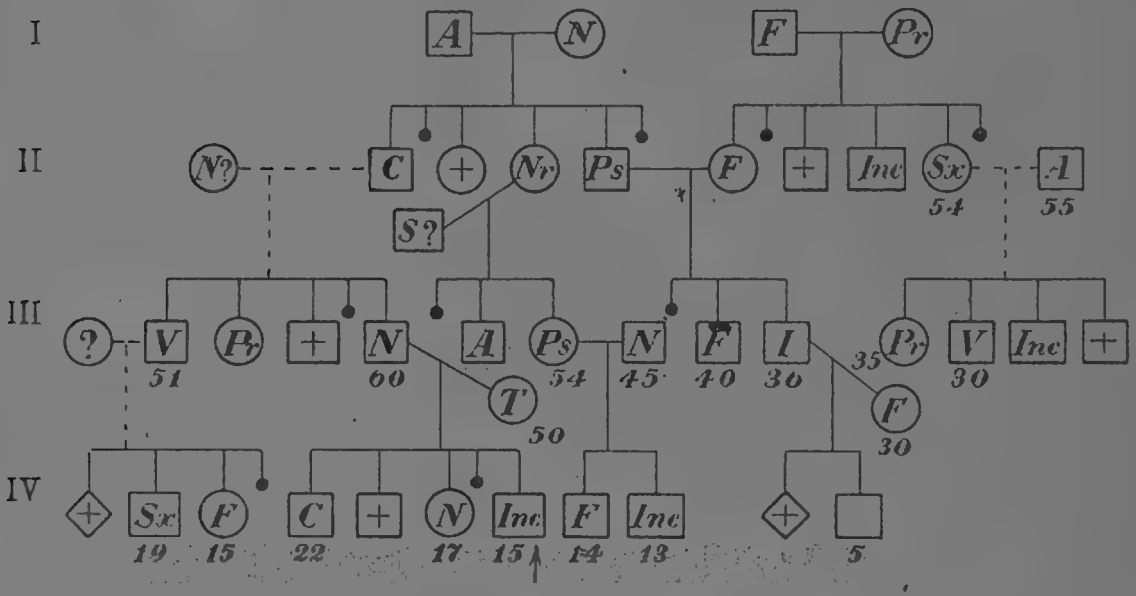


Рис. 1.

Знаки.

— мужчина.

— женщина.

— внебрачная связь или внебрачное происхождение.

— пол неизвестен.

— выкидыш или мертворожденный.

— умер в младенческом возрасте.

— сведения недостаточно проверены.

— знак, указывающий лицо, относительно которого ведется обследование.

— лицо, обладающее дефектом, близкий к которому мы наблюдаем у обследуемого.

Буквенные обозначения внутри квадрата или круга.[1]

A (alcoholic)—алкоголик.
F (feeble-minded)—слабоумный.
J (insane)—душевно-больной.
P (psychopathic)—психопатичный.
C (criminal)—преступный.
Nr (neurotic)—нервный.
Pr (prostitute)—проститутка.
Inc (incorrigible)—трудновоспитуемый.
V (vagrant)—бродяга.
T (tubercular)—туберкулезный.
S (syphilitic)—сифилитик.
Sx (sexual)—сексуально-извращенный.
N (normal)—нормальный.

Приведенными буквенными обозначениями не исчерпывается возможное разнообразие характеристик. Дальнейшие обозначения могут быть условно избираемы для целей того или иного специального исследования о наследственности. Так, для изучения наследственности душевных болезней мы можем обозначить определенной буквой каждую болезнь в отдельности. Например, *E* (epileptic) — эпилептик, *DP* (dementia praecox), *Par.* (paranoic), *DS* (dementia senilis — старческое слабоумие) и т. д. Для обозначения физических дефектов: *D* (deaf — глухой), *B* (blind — слепой), *Cr.* (criple — калека), *M* (mute — немой) и т. д.

Римские цифры в начале каждой строки означают порядок поколений; арабские цифры под соответственным знаком — возраст лица в момент обследования, если оно находится в живых.

В виде иллюстрации приведем одну из таких таблиц:

2. Постепенный путь социального воспитания

[1] Мы приводим более употребительные английские сокращения, хотя они могут быть заменены и русскими.

ребенка с учетом тех защитных социальных кругов, в которые он постепенно включается, можно изобразить в виде ряда концентрических кругов,

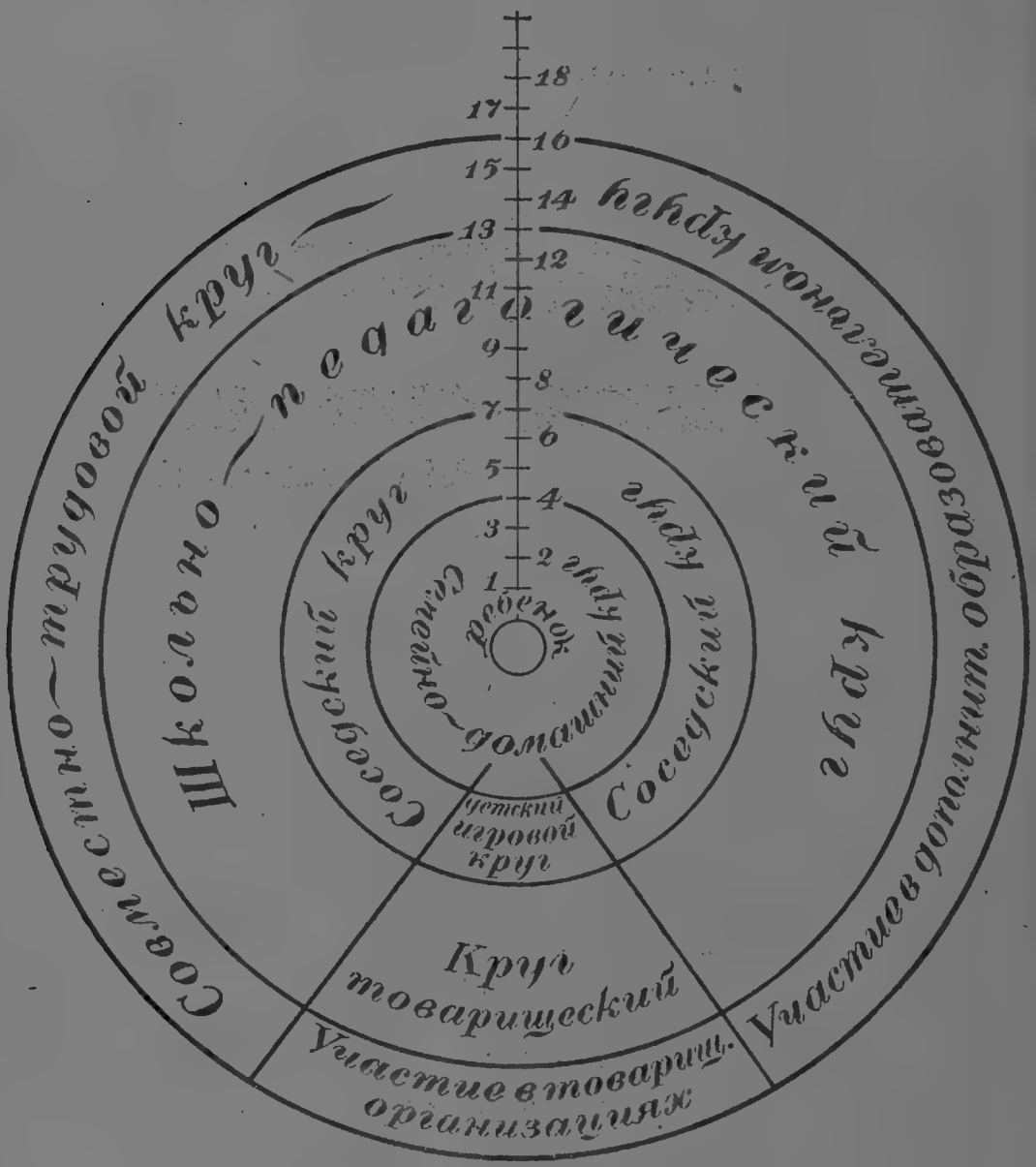


Рис. 2.

при чем радиус с нанесенными на нем делениями показывает нам последовательные возрастные грани ребенка. Переход к следующему кругу в данной схеме не знаменует собою выхода из предшествующего круга, новый круг лишь при-

мыкает к предыдущему. Нормальный путь постепенного включения малолетнего в социальный коллектив может быть изображен приблизительно следующим образом (рис. 2): [1]

Рис. 3.

[1] Детский игровой круг и товарищеский круг мы изображаем лишь в виде сектора, так как ни в один из периодов они не охватывают ребенка целиком.

При анормальном ходе социального развития мы наблюдаем: 1) смещение по возрастной линии (преждевременность или запаздывание во вхождении в следующий круг), 2) выпадение отдельных кругов и 3) извращение их воспитательно-защитной функции. В качестве примера схемы анормального развития мы приводим изображение на рис. 31. (Разорванная линия означает слабый охват несовершеннолетнего данным кругом.)

3. Для обследования той обстановки, в которой проживал несовершеннолетний в каждый отдельный период своей жизни, можно предложить особую схему. Приводимый ниже набросок ее относится к 13-летнему юному правонарушителю, осиротевшему в ранние годы и плохо уживавшемуся в детских учреждениях. Весь период детства его разбит по месяцам, при чем указана та обстановка, в которой ему пришлось провести отдельные годы и месяцы своего детства. Схема эта полезна для изображения прошлого ребенка. Черными кружками с цифровыми знаками обозначены отдельные более значительные события, влиявшие на его положение (рис. 4).

4. Для характеристики семейных условий жизни несовершеннолетнего, если мы примем ту классификацию типов семьи, которая изложена нами в гл. III, мы можем также воспользоваться рядом условных обозначений, при помощи которых возможно будет дать краткую формулу, характеризующую, по крайней мере, некоторые стороны семейной среды.

Социально-крепкую семью, выполняющую свою воспитательно-защитную функцию по отношению к ребенку, в элементарной схеме можно изобразить в виде треугольника — $\overset{A}{\underset{B}{\triangle}}\,{}_{B}$. Если точка A на вершине треугольника символизирует ребенка, то точки $Б$ и B у основания символизируют родителей. Сплошные черты, проведенные между этими точками,

СХЕМА УЧЕТА условий пребывания несовершеннолетнего до обследования

Обследователь.....

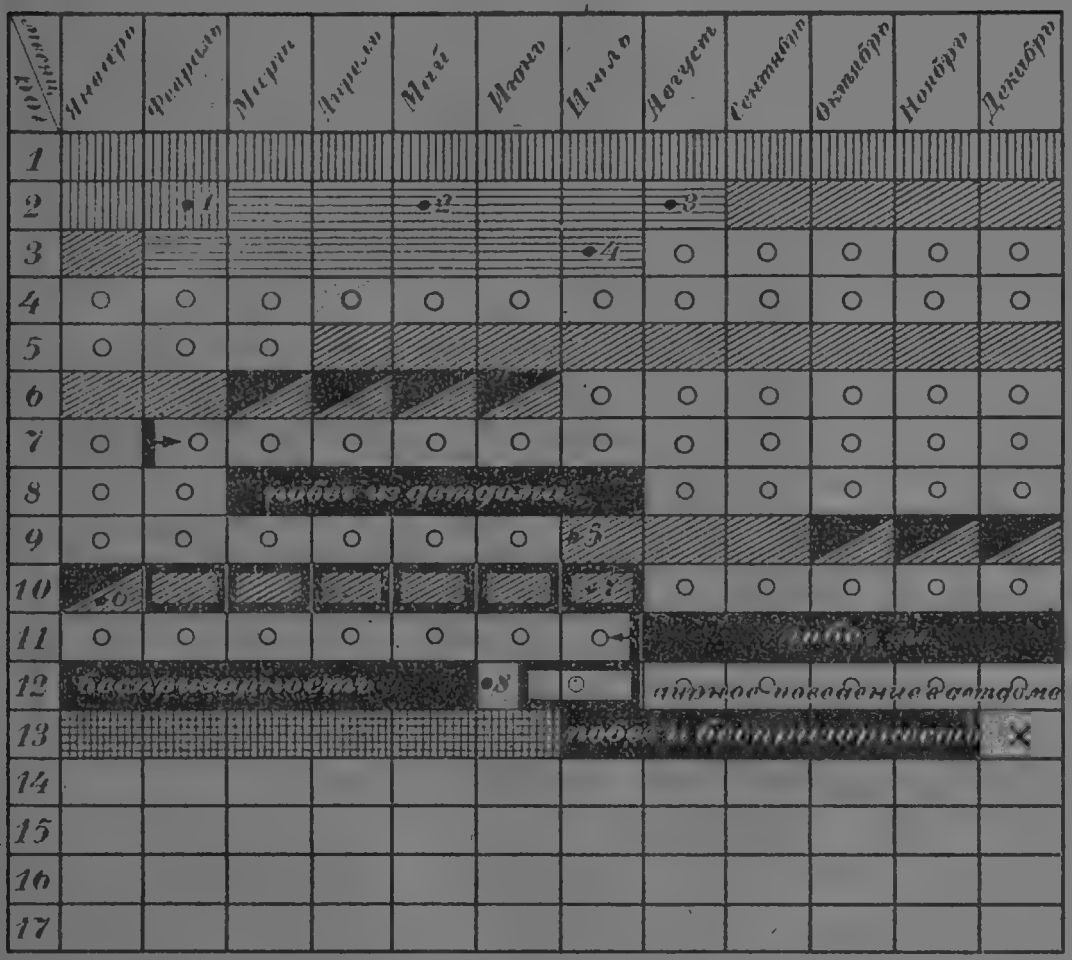
Фамилия ребенка .....

Имя и отчество .....

Возраст

Дата

Недела.....192...г.



Не известно

У посторонних

В условиях уличной беспризорности.

Посещение школы (конец)

У обоих родителей

Под присмотром

Полубеспризорность в усл. семьи

Нахождение в учрежд. для трудновоспитуемых

У одного

В детдоме

Посещение школы (начало)

- 1 — смерть отца
- 2 — перенесенная детская болезнь
- 3 — тяжкая болезнь матери
- 4 — смерть матери
- 5 — отдача в патронат
- 6 — первое правонарушение
- 7 — повторное правонарушение
- 8 — задержан при совершении правонарушения
- × — возраст при производстве обследования

Рис. 4.

5. Предложим, наконец, еще одну схему, пригодную для изображения различных влияний окружающей среды, действовавших на индивида в различные годы его жизни, в сопоставлении с развитием его психических и социальных реакций. Эта схема может быть более детализирована при разработке, но мы даем набросок, выражающий лишь самую идею ее.

В изображенной ниже схеме кривая линия представляет собою воображаемую линию жизни, разделенную на периоды по годам жизни. Указанные с левой стороны обозначения характеризуют собою экзогенные факторы, факторы окружающей среды, воздействующие на организм человека и его личность; они приурочены к тому возрасту, когда впервые они стали проявлять свое действие; с правой стороны обозначается развитие тех или иных психологических и социальных качеств, характеризующих личность человека и его психо-физиологические состояния (рис. 5).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Задачи социального обследования детства	3
II. Пределы социального обследования	21
III. Техника социального обследования	44
IV. Социальный диагноз и прогноз	70
Из литературы вопроса	84
Приложение. Графический метод при социальном обследовании	87

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1[illegible]

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Серия «БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГА»

2. Основы школьного дела

Выбор профессии и школа. Сборник статей. Под редакцией И. А. Рыбникова. Стр. 112. Ц. 70 к.

Граборов Н. А., проф. — Вспомогательная школа (Школа для умственно-отсталых детей). Изд. 2-е. Стр. 368. Ц. 2 р. 25 к.

Детские дома. Практика работы по материалам ЛГОНО. Сборник. Составили: З. И. Лилина, В. А. Мичурин, А. Л. Моленевский, А. М. Рябцев и С. И. Якимюк. Стр. 102. Ц. 1 р.

Дюшен В. и А. Замятина. — Политические праздники в школе и детском доме. Руководство для педагогов. Допущ. ГУСом. Стр. 132. Ц. 1 р.

Кайданова О. — Беспризорные дети. Практика работы опытной станции. Стр. 76. Ц. 60 к.

Летняя школа. Педагогический сборник. Под редакцией А. С. Гинтовта. С рисунками в тексте. Изд. 2-е. Вып. I. Стр. 219. Ц. 1 р. 95 к.; Вып. II. Стр. 340. Ц. 2 р. 10 к.

Львов К. И. и А. Ф. Родин. — Клубная работа в школе. Стр. 152. Ц. 1 р. 20 к.

Маркин В. И. — Сельскохозяйственный уклон в начальной школе (I ступени). Школьный огород Изд. 2-е. Допущ. ГУСом. Стр. 118. Ц. 80 к.

Никольский И. Д. и В. М. Чистяков. — Школьная летопись Октябрьской революции. Пособие по собиранию и проработке материалов к 10-летию Октябрьской революции. Стр. 84. Ц. 60 к.

Опыт реформы профессиональной школы. — Индустриальный техникум и индустриальный рабочий техникум. Схемы расположения учебного материала по стержням. Учебные планы. Программы. II-М. Совет ЛГОНО. (Секция проф. образования) Стр. 156. Ц. 90 к.

Пинкевич А. П. — Естествознание, педагогика и марксизм. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 61. Ц. 35 к.

Подъяпольская А., д-р., и Н. Подъяпольский. — Сельскохозяйственный труд детей и подростков. Воспитательное значение и рационализация. Предисловие Наркомздрава Н. А. Семашко. Под редакцией проф. В. В. Гориневского Стр. 106. Ц. 1 р. 20 к.

Подъяпольский Н. — Лесохозяйственный уклон в школе. Методическое руководство для школ лесного района СССР. Под редакцией проф. В. В. Гориневского Стр. 87. Ц. 90 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

80 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Серия «БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГА»

2. Основы школьного дела

Практика социального воспитания. (Опыт Ленинграда и Ленинградской губернии.) Сборник материалов Н.-М. Совета ЛГОНО. Под редакцией З. И. Лилиной. Стр. 168. Ц. 1 р. 60 к.

Производственное обучение в школе фабзавуча. Сборник. Под редакцией В. Ю. Гиттиса и Р. Г. Лемберг. Стр. 138. Ц. 1 р.

Работа школы среди молодежи. Педагогический сборник под редакцией З. И. Лилиной. Стр. 94. Ц. 50 к.

Трудовая школа с уклоном (индустриальный, промышленно-экономический и педагогический уклоны). Сборник материалов Н.-М. Совета ЛГОНО, под редакцией К. Никонова и Г. Шевлякова. Стр. 92. Ц. 90.

Фабзавуч. Структура и методы работы. Сборник. Под редакцией В. Ю. Гиттиса и Р. Г. Лемберг. Стр. 194. Ц. 1 р. 10 к.

Челюсткин И. А. — Класс как трудовой коллектив. Стр. 91. Ц. 50 к.

Школа крестьянской молодежи. Материалы. I год обучения. ЛГОНО. Стр. 80. Ц. 35 к.

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО НА ЗАПАДЕ И В АМЕРИКЕ

Феррьер А. — Из опыта новой школы Запада. (Школы действия.) Перевод с французского Е. И. Хородчинской. Под редакцией, с предисловием и с примечаниями А. С. Гинтовта. Стр. 136. Ц. 85 к.

Штейнгауз М. — Очерки современной школы Западной Европы. По личным наблюдениям. Стр. 136. Ц. 1 р. 50 к.

Янжул Е. П. — Американская школа нашего времени. Стр. 104. Ц. 90 к.

3. Методика обучения.

Далтон-план

Как работают по далтон-плану в английской школе. Перевод с английского З. Воскресенской. Стр. 88. Ц. 50 к.

Практика далтон-плана в советских школах. Сборник секции соц.-труд. воспитания Н.-М. Совета ЛГОНО. Под редакцией К. Л. Никонова. Стр. 134 Ц. 80 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата